

**Дитрих Эккарт**

## **БОЛЬШЕВИЗМ ОТ МОИСЕЯ ДО ЛЕНИНА**

**Диалог между Адольфом Гитлером и мной**

---

Оригинал: Dietrich Eckart, Der Bolschewismus von Moses bis Lenin. Ein Zwiegespräch zwischen Adolf Hitler und mir. Hoheneichen-Verlag, München, 1924

**Об авторе:** Дитрих Эккарт родился 23 марта 1868 года в баварском городке Ноймаркт, что находится в 20 милях к юго-востоку от Нюрнберга, в семье королевского нотариуса и адвоката. Эккарт первоначально изучал медицину в Мюнхене, но решил в 1891 году устроить свою жизнь в качестве поэта, драматурга и журналиста. Он переехал в Берлин в 1899 году, где написал ряд пьес, часто автобиографических, стал протеже графа Георга фон Хюльзен-Хельзера, художественного руководителя Королевского театра. Эккарт был очень успешным драматургом, особенно успешной стала постановка по произведению «Пер Гюнт» норвежца Генриха Ибсена: было проведено более 600 выступлений в Берлине.

Между 1918 и 1920 годами Эккарт писал антисемитские статьи в журнале «Auf gut deutsch» («На хорошем немецком»), который издавал вместе с Альфредом Розенбергом и Готфридом Федером. Эккарт являлся яростным критиком Веймарской республики, был категорически против Версальского договора, который рассматривал как предательство. Эккарт был сторонником так называемой «легенды об ударе в спину», в соответствии с которой социал-демократы и евреи были виновны в поражении Германии в Первой мировой войне.

Эккарт принимал участие в создании Deutsche Arbeiterpartei (Немецкая рабочая партия) вместе с Готфридом Федером и Антоном Дрекслером в 1919 году, которая позднее была переименована в Deutsche Nationalsozialistische Arbeiterpartei (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия, НСДАП). Дитрих был одно время издателем газеты НСДАП, «Völkischer Beobachter» («Народный обозреватель»), а также написал поэму «Йойрио», строка из которой «Deutschland erwache!» («Германия, пробудись!») стала одним из лозунгов национал-социалистической партии и была вышита на партийных штандартах.

9 ноября 1923 года Эккарт участвовал в неудачном Пивном путче. 13 ноября он был арестован и помещен в Ландсбергскую тюрьму вместе с Гитлером и другими руководителями партии, но из-за болезни был освобождён вскоре после этого

(20 декабря). Он умер в возрасте 55 лет от сердечного приступа в Берхтесгадене 26 декабря 1923 года. Похоронен на старом кладбище Берхтесгадена.

Историки нацизма называли его «духовным отцом национал-социализма». Адольф Гитлер отдал должное Дитриху Эккарту в последнем предложении своей знаменитой книги «Моя борьба», где он выделил его: «как одного из лучших, который посвятил свою жизнь пробуждению его, нашего народа, в своих произведениях, в своих мыслях, и конечно, в деяниях: Дитрих Эккарт». В период правления национал-социалистов на территории Имперского олимпийского стадиона в Берлине был построен Открытый театр Дитриха Эккарта, который в настоящее время носит название «Берлинский лесной театр».

### **Предисловие к русскому переводу**

Данное произведение появилось в 1923 году. В тот момент Адольф Гитлер был руководителем маленькой партии и практически неизвестен за пределами Баварии. Тогда едва ли кто-то мог бы даже во сне представить, что за десять лет этот человек превратится в абсолютного правителя Германии.

По этой причине можно с уверенностью исходить из того, что друг и наставник Гитлера, писатель Дитрих Эккарт, правильно передал высказывания будущего фюрера. Для сознательной фальсификации слов Гитлера в то время просто не было никакой причины. Ввиду этого факта данный текст представляет собой весьма важный источник информации об образе мышления Гитлера. Особенно недвусмысленно проясняет он вопрос об отношении Гитлера к христианству вообще, и к Католической церкви в частности: Гитлер рассматривал себя как католик и ни в коем случае не стремился к разрушению христианства, а только к очищению его от еврейского мышления. Это, само собой разумеется, означает, что он рассматривал иудейский Ветхий Завет не как составную часть христианского вероучения, а как его полную противоположность.

Тезис, согласно которому Иисус Христос по своему происхождению был не евреем, а принадлежал к одному из индогерманских народов, значительно старше самого Гитлера; эту версию защищал, среди прочих, Хьюстон Стюарт Чемберлен в своем эпохальном труде «Основания девятнадцатого столетия». Правда ли эта версия – вопрос спорный; ее невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Можно лишь с уверенностью констатировать, что те представители сегодняшних европейских правых, которые говорят об «иудохристианстве» и клеймят христианскую религию как еврейский инструмент для духовного порабощения белых народов, ни в коем случае не могут при этом опираться на Адольфа Гитлера и национал-социализм. В противоположность коммунизму, каноническими про-

изведениями которого являются труды Маркса, Энгельса и Ленина, национал-социализм не обладал ясно очерченной идеологией и бесспорным идейным наставником. Иногда утверждают, что Альфред Розенберг, автор неоязыческой и враждебной христианству книги «Миф XX века», якобы был главным идеологом НСДАП, но это не соответствует фактам, так как тезисы Розенберга отражали лишь точку зрения маленького меньшинства в национал-социалистической партии.

Чтение данной книги также доказывает, что утверждение о том, что Гитлер, мол, был необразованным человеком с лишь поверхностными историческими знаниями, лишено каких-либо оснований. Совершенно очевидно, что молодой революционер прочитал чрезвычайно много и сделал из прочитанного одно-значные выводы. Сегодня некоторые из его тогдашних высказываний кажутся зловеще пророческим. И это еще одна причина, почему в высшей степени полезно прочесть книгу Дитриха Эккарта «Большевизм от Моисея до Ленина. Диалог между Адольфом Гитлером и мной».

*Вальтер Штауффахер*

## **Глава I**

- Да! – воскликнул он: – Мы заблуждаемся! Астроном делает не так. Например, он наблюдает за каким-то созвездием, довольно долго наблюдает. И однажды он замечает: – Черт побери, да тут ведь что-то не то! Обычно звезды должны были бы располагаться иначе, не так, как здесь. Значит, должна быть какая-то скрытая сила, которая влияет на звезды. И он считает, и считает, и наконец, правильно вычисляет планету, которую пока еще никто не видел, но которая там есть, как однажды выясняется. А что делает историк? Отклонения он объясняет на основе самого созвездия, исходя из сущности выдающихся государственных мужей. То, что где-то может действовать какая-то скрытая сила, задающая всему определенное направление, ему и в голову не приходит. Но ведь эта сила есть! И она существует с начала истории! И что это за сила, ты знаешь. Это еврей.

- Да, разумеется, – ответил я, – но это нужно доказать, доказать. Как по мне, то для последних пятидесяти или ста пятидесяти лет это очевидно; но если зайти достаточно далеко вглубь истории, в конце концов, до дохристианских времен...  
- Дорогой мой, – ответил он мне, – когда мы читаем у Страбона 1), что уже в его время, вскоре после рождения Христа, на всем земном шаре едва ли уже можно было найти место, где не доминировали бы евреи, именно доминировали, пишет он, вовсе не населяли; если уже за десятилетия до того старый Ци-

церон 2) – в то время большая величина, мой дорогой! – на Капитолии внезапно сорвался, когда в своей знаменитой защищающей речи он просто не мог поступить иначе, кроме как указать на крепкую сплоченность евреев и их гигантское влияние: «Тише, тише! Хочу, чтобы меня могли слышать только судьи. Иначе евреи устроят мне большие неприятности, как они поступают с каждым честным человеком. У меня совершенно нет желания лить воду на их мельницы»; и если некий Понтий Пилат 3), который, как представитель римского императора, все же, наверняка не был пустым местом, едва евреи дали ему понять, что могут обеспечить его кое-чем нужным у императора Августа, тут же идет к тазу, чтобы умыть руки: «Ради Бога, покончим с этим грязным еврейским делом» и приговаривает к смерти Христа, которого сам считает невиновным; тогда, мой дорогой, каждый ребенок знает или, по крайней мере, мог бы знать, сколько пробило на часах уже в то время!»

Он схватил Ветхий Завет, недолго полистал его и: – Вот, – воскликнул он, – посмотри сюда, вот рецепт, по которому евреи издавна варят свой адский суп. Мы, антисемиты, молодцы. Мы выискиваем все подряд, и только самое важное не замечаем. И он прочитал, подчеркивая каждое слово, жестким голосом: «Я вооружу Египтян против Египтян; и будут сражаться брат против брата и друг против друга, город с городом, царство с царством. И дух Египта изнеможет в нем, и разрушу совет его, и прибегут они к идолам и к чародеям, и к вызывающим мертвых и к гадалеям». 4)

- Конечно, – он горько рассмеялся, – тогда они спросят доктора Куно 5), и доктора Швайера 6), и доктора Хайма 7), и какие там у нас еще есть чародеи и гадалки, спросят их, откуда взялся весь этот свинарник; и те ответят им укоризненно: Вы сами виноваты в этом. У вас нет больше никакого хорошего воспитания, нет никакой веры, одна сплошная корысть и всезнайство. Теперь вдруг виноваты должны быть евреи. Но так было всегда, когда народам был нужен козел отпущения. Тогда все накидывались на евреев и мучили их до крови. Так как у них были деньги. Так как они не могли защищаться. Что же тут удивительного, если кто-то из них действительно выходит за рамки дозволенного. Паршивую овцу найти можно повсюду. Как будто не было массы вполне приличных евреев. Берите с них пример. Это благочестие, эта склонность к семейной жизни, этот трезвый образ жизни, эта готовность к жертве, прежде всего, эта сплоченность! А вы? Грызетесь между собой, как кошка с собакой. Это же чистое безумие. И вот так будут пустословить и снова пустословить чародеи и гадалки, до тех пор, пока однажды ночью не появится кровавый знак 8) на всех, но лишь на всех еврейских домах, и обезумевшие толпы, руководимые евреями, ворвутся в остальные дома, чтобы убить всех первенцев в земле Египетской 9) и не только в ней.

- Как это уже было здесь в Мюнхене во время Советской республики? – заметил я. – Дома евреев не были намазаны кровью, но, все же, какое-то тайное соглашение наверняка было заключено, так как среди всех этих бесчисленных обысков не было ни одного обыска у евреев. Это запрещено, как объяснил мне на мой двусмысленный вопрос один из тех тупых красногвардейцев, которые тогда меня едва не арестовали. Естественно, среди арестованных тоже не было ни одного еврея. За исключением лишь одного профессора Бергера, да и он попал под этот каток только потому, что он еще недолго был в Мюнхене и, ко всему прочему, был замкнутым чудаком. Евреи просто не знали его; а когда они узнали, было уже слишком поздно. Все же и смерть этого Мортимера очень пошла им на пользу: последовавшая затем болтовня не оставляла им желать ничего лучшего. В 1871 году в Париже защита евреев тоже была заранее запланированной. Коммунисты разрушали все, что могли; но все многочисленные дворцы и дома Ротшильдов остались целыми. Теперь можно понять то место у Моисея, согласно которому с евреями из Египта вышло «также много всякой черни».

- Тогда это мошенничество удалось только наполовину, – добавил он, – египтяне в последний момент еще успели взять ситуацию под контроль и выгнали ко всем чертям евреев, включая и «много всякой черни». Должно быть, происходила ужасная борьба, пока до этого дошло. Ведь уже одно убийство первенцев достаточно четко указывает на это. Так же, как и у нас, евреи привлекли на свою сторону многочисленный нижний слой – свобода, равенство, братство?! И однажды ночью спустили его по команде: «Долой буржуа, убивайте их как собак!» – но, вопреки ожиданию, произошло не так, оставшаяся национально настроенная часть египтян ударила противника его же оружием, и Моисеи, Коны и Леви с большим треском вылетели из страны, вместе с теми местными, которых они успели привлечь на свою сторону. 30) То, что им разрешили забрать с собой все, все похищенное ими имущество 11) – об этом с удовлетворением сообщает Библия. Причем сообщает в достаточно преувеличенной манере, что египтяне были «рады». 12) Но самое прекрасное – это благодарность тупых еврейских сообщников, которую они получили после этого. Вдруг их стали называть «чернью», хотя раньше они были дорогими товарищами. Думаю, в пустыне у них сразу глаза округлились от удивления, когда они об этом узнали.

- У убийства 75 000 персов в «Книге Есфирь», без сомнения, была та же большевистская подоплека, – добавил я. – Евреи в одиночку с этим бы не справились.

- В той же малой степени, – согласился он, – как и со страшным кровопролитием, охватившем половину Римской империи при императоре Траяне. Сотни и сотни тысяч неевреев самой благородной крови в Вавилоне, Киренаике, в Египте, на Кипре были убиты как скот, большинство из них при самых ужасных му-

чениях! И еще сегодня евреи радуются этому. Если бы различные очаги восстаний действовали совместно, торжествуяще пишет еврей Грец З), то они, возможно, уже тогда нанесли бы последний удар римскому колоссу.

- Наш праздник в честь победы при Седане, – заметил я, – евреи ругают как варварство; а то, что они даже сейчас, по прошествии такого огромного периода времени, из года в год во всех синагогах с ликованием отмечают в праздник Пурим свой подвиг с убийством 75 000 персов, это для них совершенно в порядке вещей.

- Но мы тоже, – сказал он сухо, – мы как раз ничего не видим, и, естественно, тем более не умеем правильно читать. Еще до того, как дошло до первого столкновения с египтянами, главный мерзавец, непорочный Иосиф, сумел там все здорово подготовить. Семь тощих коров, все зернохранилища набиты зерном, народ неистовствует от голода, тогдашний фараон полностью превратился в еврейского прислужника, и зерновой ростовщик Иосиф, «поставленный над всей землей Египетской»! 14) Жалобы за жалобами, но все тщетно, еврей железной рукой держит склады зерна закрытыми так долго, пока египтяне за кусочек хлеба не начинают отдавать сначала свои деньги, потом свой скот, потом свои пашни, и, в конечном счете, свою свободу. 15) В столице, однако, вдруг кишит евреями: тут уже и старый Иаков, и его сыновья, и его дочери, и дети его сыновей, и дети его дочерей, и все семья, вся родня. 16) И Иосиф «долго плакал» от радости. После того, как он раньше говорил своим братьям: «Вы будете есть тук этой земли» и «лучшее из всей земли Египетской дам вам». 17) Когда, однако, этот славный египетский гражданин иудейского вероисповедания умер в возрасте ста десяти лет, пришел другой фараон, который «ничего не знал об Иосифе», и ему стало страшно и тревожно от очень возросшего к тому времени народа «сынов Израилевых». 18) Он боялся, что когда случится война, они «соединятся с нашими неприятелями», он был умнее, чем Вильгельм II, который надеялся на их поддержку. И он принял меры. Евреи должны были работать. Совершенно серьезно: работать. «С жестокостью», как горюет и стонет летописец. Неудивительно, что они задумали месть. Для чего же иначе была нужна «чернь»? Дорогой Иосиф был забыт, но вполне хватало других, кто был виновен в бедах, итак: аграрии, промышленники, буржуазия! Вот кто виновен! Пролетарии всех стран, соединяйтесь! И массы поверили в это и выступили против своей собственной плоти и крови, в пользу избранного народа, который и принес им все эти бедствия. Но в школе нам с волнением зачитывают прекрасную историю об Иосифе и его братьях, и кое-кто из учителей даже «плачет долго». Есть от чего прийти в отчаяние.

Он замолчал, мрачно уставившись на Библию ненависти.

## Глава II

- Но ведь это проходит через весь Ветхий Завет, – начал он снова. – Я не скажу тут тебе ничего нового, но, возможно, нужно самому почаще представлять это себе, чтобы уметь опровергать болтовню фарисеев. Собственно, одной книги Иисуса Навина уже было бы достаточно. Что-то вроде беспрерывных массовых убийств, зверской жестокости, бесстыдной жадности грабежа и хладнокровной хитрости – воплощенный ад! И все от имени Иеговы, по его категорической воле! Только проститутке Раав, из-за измены которой город Иерихон пал жертвой евреев – ни человек, ни животное, ни старый, ни молодой не остались в живых – так вот, только этой блуднице завидуют: она со всей своей благородной семьей получает право на жительство в Израиле. 19) И что это были за добродушные народы, которые там один за другим искоренялись до последнего человека! Например, Делитч, который основательно исследовал те времена, так пишет о хананеях: на всех возвышенностях, под каждым тенистым деревом они воздавали почести и хвалу Богу солнца и несущей благо богине Ашере; и он сравнивает этот прекрасный, поэтический обычай с благочестивой манерой наших крестьян-католиков воздавать хвалу Всевышнему в удаленных горных часовнях. 20)

- Один только этот Иисус Навин, – подчеркнул я, – в своих разбойничьих походах приказал убить тридцать одного царя вместе с их народами, включая тех, кто доверчиво сдался ему. Снова и снова всплывает зловещее слово «и никого не оставляйте в живых». Я не могу сказать иначе: «чернь» или, как минимум, ее потомство, уже тогда была послушным инструментом, скажем так, ударным отрядом евреев, не потому, что это происходило так ужасно, а потому что дети Израиля издавна предпочитают переключать самую опасную работу на одураченных неевреев, впрочем, пожалуй, они были бы слишком слабы по сравнению с теми народами, не воспользуйся они безрассудной смелостью их одураченных товарищей. Интересно то заметное удовлетворение, с которым специально перечисляется по отдельности каждый из этих убитых царей. Невольно думаешь о пророке Исаие, о месте, где он буйствует как одержимый: Господь гневается на всех язычников и т.д., он отдаст их на заклятие, земля их будет горящей смолой, и протянет он по ней вервь разорения и отвес уничтожения, и она будет опустелюю, и все князья ее будут ничто. 21) Между пророком Исаией и Иисусом Навином лежат сотни лет, но за все это время, как мы видим, в адской ярости по отношению к нееврейским царствам не изменилось ничего.

- И пусть хоть целая вечность пройдет, ничего не изменится, – продолжил он, – ни в том, что касается наших царей, ни в том, что касается нашего правящего слоя. Им нужно его убрать, и если это не получается сделать силой, они делают это хитростью. Если правящий слой силен, евреям там нечего делать. Но такой

слой силен только тогда, когда он полностью исходит из народа: если он до самых мелких деталей занимается благосостоянием народа, если он в твердой вере в свои ценности с самого начала исключает любое чуждое влияние, если он не только национален, но и социален до мозга костей. Что бы ни говорили, я утверждаю: однажды придет время, когда все основные народы мира будут управляться именно так; и тогда люди с удивлением узнают, что эти народы вместо того, чтобы, как это было до сих пор, уничтожать друг друга, будут друг друга уважать и беречь. Потому что тогда придет конец разжиганию жадности к чужим землям, погоне за властью, недоверию – всем тем чувствам, которые все равно идут на пользу только немногим отдельным лицам, но не доверчивой общности; придет конец лживому расхваливанию беспорядочного человеческого братства, которое если и было бы вообще возможно, то только при условии исключения из него с самого начала вечного нарушителя спокойствия, еврея. Тогда, впрочем, эксперимент был бы излишним; народы и так нашли бы между собой общий язык.

### **Глава III**

- Скажи-ка, – прервал я его, – считаешь ли ты, собственно, еврея националистом или интернационалистом?

- Ни тем, ни другим, – последовал ответ. – Чувствовать себя интернационалистом, это означало бы относиться ко всему миру так же хорошо, как к самому себе. Если бы мир действительно поступал так, то было бы хорошо. Прежде всего, нашим интернациональным мечтателям не следовало бы надеяться, что дело не столько в том, что они доброжелательно относятся к миру, сколько в том, что мир доброжелательно относится к ним. Во всяком случае, доброе намерение должно иметь силу. Но этого намерения совсем нет у еврея по самой его природе. Даже во сне он и не думает как-то подчинить себя всему человечеству. Он хочет владеть им, владеть ради того, чтобы иметь возможность эксплуатировать его по своему усмотрению. Если бы еврей был заинтересован в товариществе, у него давно уже было множество возможностей для этого. Заповедь Иеговы 22) не заключать союз с чужими народами, а, наоборот, пожирать их одного за другим, вот каково его самое сокровенное чувство. Еврея сначала повсюду встречали с сердечностью, в древнем Египте, в Персии, в Вавилонии, в Европе; и чертово копыто обнаружилось повсюду. Германские завоеватели встретились с ним, когда он обладал массой самовольно присвоенных себе прав, они оставили ему эти права; его владение землей было ему гарантировано; он мог торговать, где хотел, в том числе, в соответствии со своей любимой склонностью, заниматься работоторговлей. Как и все остальные, он мог занимать официальные должности, в том числе быть судьей; и его так называемая религия была под



строгой защитой государства. 23) Примерно так пишет Отто Хаузер, о котором никто, пожалуй, не смог бы сказать, что он не делал все, чтобы представить еврея в самом привлекательном виде.

- Еще бы! – кивнул я, – но им нужно наслаждаться с осторожностью, иначе не увидишь черный лес за «белокурыми» деревьями. 24) В общем, мне тут больше нравится Вернер Зомбарт, несмотря на то, что его берлинские лекции уж слишком кишат евреями.

- Ну, он говорит то же самое – воскликнул он. – По его мнению, евреи отнюдь не всегда были полугражданами; в древности у них даже часто были особые привилегии, их освобождали от определенных обязанностей, военной службы и т.д. 25). Личное участие в военном походе, впрочем, как раз никак не было их сильной стороной. Во время Освободительных войн против Наполеона евреи из городка Дойч-Кроне в Померании направили королю петицию с просьбой позволить им остаться дома и не участвовать в походе в обмен на деньги, «потому что в нынешнее время трусы ничем не могут помочь, зато десять тысяч талеров наличными пойдут на пользу». Просьба была удовлетворена, причем не только по отношению к ним, но и к евреям еще пяти других прусских округов, которых всего-то было только семь. 26)

- Я знаю это место у Хаузера, – добавил я; – оно подтверждено документами. Но там еще сказано, что энциклопедический словарь Майера совершенно спокойно пишет, что евреи в Освободительных войнах своим героизмом проявили себя как достойные немецкие граждане.

- Как и во время мировой войны, – махнул он многозначительно рукой. – Если бы это зависело от меня, то во всех школах, на всех углах, в каждом ресторане висели бы плакаты, на которых были бы написаны только одни слова Шопенгауэра 27) о евреях: «Великие виртуозы лжи!». Лучше не скажешь. И это касается любого еврея без исключения, неважно, высокого или низкого, биржевика или раввина, обрезанного или крещеного. Порабощенный народ! Тысячелетиями подвергавшийся травле! И простодушный человек снова и снова попадает на этот наглый обман. Само собой разумеется, на них злились, но только уже после того, как они бесстыдно злоупотребили наивным добродушием и ограбили народ до нитки своим ростовщичеством и обманом. Так происходило везде, в древней Римской Империи, в Египте, в Азии, позже в Англии, Италии, Франции, Польше, Голландии, Германии, даже, как дословно пишет Зомбарт, «на Пиренейском полуострове, где они получили столько добра!» Уже Цицерон сетует на непрерывное просачивание римского золотого запаса в Иерусалим! 28) Его еврейский современник Иосиф Флавий 29) дает нам объяснение этого: свыше двух миллионов евреев из всех провинций гигантской империи тогда каждый

год отправлялись к Храму Соломона в «благочестивое» паломничество. Когда позднее Тит захватил Иерусалим, там обнаружился неприятный сюрприз. В своих подземных подвалах «Дом Божий» скрывал огромное количество запасенного золота. Сегодня Америка, кажется, превратилась в такое укрытие. Генри Форд рассказывал, что на его родине все утверждают, что у США сейчас больше золота, чем у любой другой страны. Но где это золото? «Как давно ты уже не видел ни одной золотой монеты?». Правительство, погрязшее в долгах, отчаянно пытается экономить, оно даже не может заплатить пенсии инвалидам войны, и в Америке золото есть, без сомнения, но американцам оно не принадлежит. 30)

- Как давно больше не видели уже золотую монету и в Швейцарии, в Англии, в Голландии, во Франции, в Скандинавии? – добавил я, – в конце 1922 года я в Швейцарии не видел в обороте никакого золота, одна только бумага, как и у нас. И так во всем мире. Любой иностранец подтвердит это. Мы были очень глупы, когда несли золото в Имперский банк. Было бы благоразумнее сразу нести его в синагоги.

- Сегодня это так, и две тысячи лет назад было то же самое, – продолжал он. – Я думаю, этого достаточно, чтобы охарактеризовать сущность еврейского интернационализма. Тогда у нас осталось еще национальное самосознание евреев. Конечно, у них нет одного такого чувства для Германии, другого для Англии и т.д. На такую удочку уже не многие клюют. «Пришлите мне коробочку с немецкой землей, чтобы я хотя бы символически мог проглотить эту проклятую страну», писал немецкий еврей Бёрне, и Генрих Гейне унюхивал будущее Германии из ночного горшка. 31) Физик Эйнштейн, из которого еврейская реклама сделала второго Кепплера, заявляет, что у него нет ничего общего с немецким духом; традицию Центрального союза немецких граждан иудейского вероисповедания открыто показывать только религиозную общность евреев, но при этом не их национальную общность, он считает «неискренней». 32) Белая ворона? Нет. Просто это человек, который думает, что его народ уже добился нужного контроля, и поэтому больше не считает необходимым притворяться. Даже в самом Центральном союзе уже упала эта маска. Доктор Брюнн там без обиняков признал, что евреи не могут обладать немецким национальным самосознанием. 33) Мы как раз всегда путаем их невыразительное стремление приспособиться ко всему и к каждому, движением их души. Если это только приносит им преимущества, то для них нет никаких колебаний, уж тем более моральных, сколько галицийских евреев стали сначала немцами, потом англичанами, и, наконец, американцами! И каждый раз в один миг. С обезьяньей скоростью меняют они свою национальность туда и сюда, и стоит им где-то поставить свою ногу, как уже раздастся либо «Стража на Рейне», либо «Марсельеза», либо «Янки Дудл». В том, что наши Варбурги, наши Бляйхрёдеры, наши Мендельсоны могут менять

свое местонахождение вместе со своим патриотизмом уже на следующий день перенести в Лондон или Нью-Йорк, не станет сомневаться, пожалуй, даже доктор Хайм. «На бранденбургском песке азиатская орда!», зарапортовался однажды Вальтер Ратенау, говоря о берлинском еврействе. 34) Он забыл добавить: та же орда на Изаре, на Эльбе, на Майне, на Темзе, на Сене, на Гудзоне, на Неве, на Волге. И всюду с одной и той же лживостью по отношению к своему окружению. Но наши чародеи и гадалки делают различие между достойными и недостойными, местными и новоприбывшими, западными и восточными евреями; и если сбываются наихудшие ожидания, они пожимают плечами и бормочут: «У каждой страны есть те евреи, которых она заслуживает. То, что это сказал еврей 35), для них не имеет значения. Зато так хорошо звучит.

Но что делать, если нам при этом влепят звонкую оплеуху? «Весь Израиль открыто стоит на стороне британцев!» – заявил в 1916 году руководитель американских социал-демократов Самуэль Гомперс. Все евреи мира. Американец Форд тоже знал это. Он говорит о неверности «так называемых» немецких евреев по отношению к стране, где они жили; и о том, что они объединились с остальными евреями ради падения Германии. «Почему?» – насмехается еврей. «Потому что немец – это пошлая падаль, отсталое, средневековое создание, у которого нет ни капельки нашей ценности. И такому мерзавцу мы должны были бы помогать? Нет, у него были те евреи, которых он заслужил!». Я думаю, большую наглость едва ли можно было бы себе представить.

Я напомнил о России. «До революции настоящая клоака низости, стало быть, пожалуй, и тамошнее еврейство в ней тоже явное дерьмо; а теперь – то же самое еврейство у руля страны, и, раз-два-три, те же самые русские вдруг уже великий народ.

- В 1870 году, – ответил он, – у нас, немцев, была привилегия быть великим народом. Евреи посчитали, что пришло время заменить ставшего ненадежным французского императора на гибкого президента; возможно, коммуна могла быть также введена при этом случае; отсюда и объявление немцев «героическим народом»! Неудивительно, что сразу за нашими князьями и генералами в Париж вошла жестикулирующая с живостью группа еврейских финансистов. 36) За прошедшее с той поры время мы снова упали до уровня какого-то сброда. Пресса, «избранный инструмент антихриста», как назвал ее Бисмарк 37), сделала нас «бошами», «гуннами». Но потерпите! Чем быстрее мы приблизимся к большевизму, тем более славными мы снова будем. И в один прекрасный день англичане и французы станут мерзавцами. У кого есть глаза, чтобы видеть, видит это даже сейчас и без очков. «Я британский подданный, но прежде всего и в первую очередь я еврей», визжал уже много лет тому назад один еврей в большом английском еврейском листке. 38) И другой: «Тот, кто должен выби-

рать между своими обязанностями как англичанин и как еврей, должен делать выбор в пользу последнего». 39) И третий: «Евреи, которые хотят быть патриотичными англичанами и хорошими евреями, – это просто воплощенная ложь» 40). Насколько оживленной должна была быть Англия уже тогда, если они могли решиться так высказываться публично.

- Начиная от Кромвеля до Эдуарда VII она превратилась в оплот европейского еврейства, – подчеркнул я. – С Ветхим Заветом на луке седла пуритане скакали в бой, и на знаменах их было написано «Лев Иудеи». Также пророчество Исаии, «что все князья ее будут ничто», им пригодилось: Кромвель незамедлительно приказал обезглавить своего короля Карла I. Я однажды лично видел масона высокого градуса Эдуарда VII: классический портрет еврея-биржевика. Вокруг него тоже было полно евреев. Между тем их центр, кажется, уже переместился в Америку. Там давно уже была подготовлена хорошая почва. Еврейские деньги сделали возможными два первых путешествия Колумба, утверждает Зомбарт 41); еврей, Луис де Торрес, тоже якобы вступил на американскую землю как первый европеец. Самое прекрасное, замечает он, что в последнее время появились утверждения, что и сам Колумб был евреем.

- Ну, это ясно, – засмеялся он. – Включая самого Господа Бога, все, кто сыграл хоть какую-то роль в мире, – евреи. Сейчас на очереди Гёте и Шопенгауэр. Блажен, кто верует. Я, со своей стороны, не верю, что и Колумб, и Торрес были евреями. Тогда морские путешествия были куда опаснее, чем сейчас.

- По словам Хаузера, – ответил я, – Колумб был германского, вероятно, даже немецкого происхождения.

- Мне все равно, – ответил он. – Как по мне, он мог бы быть хоть зулусом. Я скорее поверю, что его открытие совершил негр, чем еврей. То, что дети Израиля так быстро воспользовались этим, это уже другая история. Насколько я их знаю, они уже надеются на кого-то, кто установит связь с Сириусом. Поле их любви к ближнему постепенно становится для них слишком маленьким.

- В любом случае Америку они уже очень давно крепко держат за глотку, – продолжал я. – Ни одна другая страна, пишет Зомбарт, не наполнена еврейской сущностью так, как Соединенные Штаты. 42) Мы ощутили на себе это воздействие во время мировой войны. Ты знаешь, что позже официально установила особая комиссия американского Конгресса: Уже в 1915 году, то есть, в то время, когда настоящая Америка даже во сне не думала о войне с нами, настолько мало думала, что того, кто хотя бы тихо намекнул на это, тут же выгнали бы прочь, собралась некая секретная консультативная комиссия, исключительно с целью подготовить вступление Америки в эту войну! В 1915 году, за целых два

года до этого вмешательства Соединенных Штатов! И кто тогда дергал за ниточки? Вместе с почтенным Вильсоном некий до тех пор абсолютно неизвестный еврей Бернард Барух. «Я верил, что война наступит, задолго до того, как она наступила», заявил он позже дословно перед особой комиссией, в полном душевном спокойствии. 43) И никто не встал и не сделал отбивную котлету из этого отпетого мерзавца.

- По достоверным источникам решение еврейского верховного руководства развязать мировую войну было принято еще весьма задолго до этого, – сказал он. – На Шестом сионистском конгрессе в Базеле в 1903 году его председатель Макс Нордау в присутствии всего затаившего дыхание от напряжения зала сказал, что Теодор Герцль знал, «что мы стоим перед страшным потрясением всего мира». 44) Добрый Герцль! Этот идеальный человек! наших чародеев и гадалей прямо-таки пронизывает благоговение, когда они только упоминают этого благородного патриарха. Но эта скотина знала, что намеревался сделать с нами его грязный народец! Нет, мой дорогой, здесь этот фейерверк заканчивается. И если бы я встретил в загробном мире центральный союз небесных граждан иудейского вероисповедания, я крикнул бы всему обществу: – Убирайтесь к чертям, лжецы! Ведь вам ничего не стоит предать даже и сам рай небесный!

- Герцль был сионистом, – бросил я.

- Он был евреем! – ударил он по столу. – Одно слово «еврей» уже говорит обо всем. Тут нет разницы! Кроме искусственно сделанной разницы, predetermined для прутика, обмазанного клеем, чтобы ловить на него доверчивых птиц. «Божий народ» хочет получить назад свое собственное «Божье государство»! Правильно понял: именно получить назад! Божий народ, который никогда не был таковым, и государство, которое никогда не было таковым! То, что творилось там в Палестине на протяжении шести веков, пока ассирийцы не положили этому безобразию конец, по уровню своего упадка превосходит любые описания! Государство? Да почитайте же вы внимательно Ветхий Завет! Сначала непрерывные убийства и грабежи чужих народов, на что пошло весьма много времени; затем, до самого конца, самая ужасная подлость, сплошная анархия раз за разом. Апогей, расцвет, славу еврейского искусства управления государством представляет собой царь Давид, который, как справедливо подчеркивает Бляйбтрой 45), был таким негодяем, что ему мало было беспрецедентной подлости с письмом Урии: еще на смертном ложе он приказывает своему сыну убить военачальника Иоава, так как он сам, к сожалению, связан клятвой, препятствующей ему как-либо отомстить своему старому боевому товарищу. Но после этого все закончилось. Когда Кир позволил евреям возвратиться домой в Палестину, там происходило не то, что, как думает Делитч, ни один из пророков не считал возможным, а нечто вполне естественное: подавляющее большинство

плюнуло на Сион, осталось в весьма довольном настроении сидеть в «необычайно богатой» Вавилонии и занималось там дальше своими чертовыми махинациями. 46) Это значило тогда: «При реках Вавилонских сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе». Народ переиначил это лучше: «У вин вавилонских сидели и лили воду», – сказал он.

- В 1267 году, – сказал я, – в Иерусалиме было всего два еврея; до мировой войны во всей Палестине число евреев возросло едва ли до ста двадцати тысяч (47), несмотря на то, что им издавна был открыт туда путь, и средств на дорогу им наверняка тоже хватало. Прочие двадцать, или двадцать четыре или даже больше миллионов – точнее узнать нельзя, потому что считаем их не мы, а евреи – кормятся по всему миру за счет труда других. Как маленькая Палестина смогла бы когда-нибудь принять к себе такую гигантскую массу людей, нельзя даже представить.

- Но этого и не требуется, – возразил он. – Главное, чтобы так было написано на бумаге. Израиль вспомнил о себе самом, его цепи пали, солнце нового Божьего государства поднимается над Сионом! Какой спектакль! Наконец, освобождены! Все застывает в почтении. Евреи ухмыляются.

- Уже есть резолюция..., – хотел было я продолжить.

- Конечно, – воскликнул он, – вот тут-то это и проявляется. Как раз здесь-то кот и выпрыгнул из мешка! Резолюция всееврейского конгресса в 1919 года в Филадельфии! «Евреи являются гражданами нового еврейского государства Палестины, но в то же время обладают всеми правами гражданства всюду там, где они соизволили жить». Это нужно прочесть дважды, нет, что вы, сто раз, иначе этот верх наглости покажется слабоумной мечтой. Англичане – это граждане Британской империи; но каждый англичанин, который соизволил жить в Германии или Франции, или Италии, также и там имеет все права английского гражданина, и в то же время, однако, еще и все права гражданина соответствующей страны! Представьте себе это, и спросите себя, какой крик ярости подняли бы не только французы или итальянцы, но и сами евреи, если бы английский народ действительно принял это решение! Но всееврейский конгресс принимает свою резолюцию так категорически, как приказ.

- При еврейском своеобразии, – возразил я, – там наверняка были и весьма своеобразные сюрпризы. Великий Кон добрался до должности рейхспрезидента. Официально он живет в Берлине. Но знаем ли мы это на самом деле? Возможно, официально он живет в Палестине. И вот вдруг великий Кон становится главой государства уже не Германии, а Палестины. На случай войны это удобная перспектива.

- Всееврейский конгресс был, – повторил он, – представительство всего мирового еврейства, стало быть, и сионистов тоже! И вот что самое важное: евреи остаются там, где они есть; и цель нового Сиона только в том, чтобы, во-первых, укрепить их политический становой хребет, во-вторых, удовлетворить их высокомерие, и, наконец, чтобы дать им место, где никто больше не увидит их грязные делишки. Как в дни Цицерона набожные паломники снова потянутся в Иерусалим, год за годом, чтобы на пороге храма в обмен на кучу вполне осязаемых предметов получить кучу добрых советов. Другими словами: арсенал и университет одновременно. То, чем в малой мере, было уже каждое гетто. Там они как раз и могли жульничать от души и собирать свои богатства – достаточная причина для них, чтобы во весь голос кричать о желанной изоляции. Я думаю, теперь мы разобрались уже и с еврейским национализмом.

- Но если они и не националисты, и не интернационалисты, – согласился я, – то кто же они тогда?

- По привычным понятиям, – он пожал плечами, – это нельзя определить. Это как раковая опухоль, разрастающаяся над всей землей, то медленно, то быстро, и она сосет повсюду. Сначала блистательное изобилие, потом, в конце концов, высохшие соки. Ставший видимым сионизм – это исходный пункт. Под землей он связан с огромным растением. И нет никакого следа каких-то противоречий.

- Как говорится, – засмеялся я, – волки также раскололись на два лагеря. Одна часть твердо решила покинуть страну овец, чтобы где-то жить между собой совсем по-вегетариански.

## **Глава IV**

- Есть только одно, – воскликнул он, – и об этом нужно всегда думать снова и снова, и снова и снова об этом говорить: «Великие виртуозы лжи!». Стоит забыть об этом выражении, и вы окажетесь в дураках. Конечно, и мы тоже лжем, но, во-первых, мы лжем не беспрерывно, и, во-вторых, мы лжем неумело. Хороший знаток людей заметит ложь, когда ее говорит любой нееврей, каким бы ловким он не был; но из-за еврейского хладнокровия их ложь не раскусит никакой Шерлок Холмс. Еврей попадает в затруднительное положение только тогда, когда по ошибке однажды скажет правду. И если он делает это намеренно, то у него все равно есть при этом задняя мысль, и тогда эта правда – тоже ложь

- Уже Лютер, – ответил я, – кричит еврею: «Ты – не немец, а обманщик, не француз, а фальсификатор 48); вообще, каждое второе слово у Лютера о нем: «лжец!».

- Так говорят все, кто его знает, – возразил он, – начиная от фараонов, и вплоть до Гёте и нашего времени; и на всех мертвых и живых языках говорилось об этом: на греческом, на латыни, по-персидски, по-турецки, по-немецки, по-английски, по-французски, по-японски, на каком угодно другом языке. Все же, можно было бы подумать, что эти единогласные осуждающие оценки со всего мира заставили бы, по крайней мере, хоть немного призадуматься наших чародеев и гадателей. Боже упаси! Они не прислушиваются даже к Иисусу Христу. Когда он стоит, со сверкающим взглядом посреди пресмыкающегося еврейского сброда, выражая всем своим видом сплошное презрение, и его слова падают как удары кнута: «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи». 49) Но для наших чародеев и гадателей это точно так, как если бы маленький ребенок лепетал что-то непонятное.

- Потому что они пытаются сами убедить себя, что это была только доброжелательная увещевающая проповедь Господа своему дорогому народу Израиля, – подчеркнул я его иронию. – Если бы до нас дошло предание, что евреи тогда ползали на четвереньках; я убежден, наши книжники приняли бы это также от Христа, ведь они настолько помешаны на том, чтобы видеть в нем самого настоящего еврея. Впрочем, это вовсе не так уж неверно: если говорить образно, то евреи издавна уже передвигаются на четвереньках.

- И Христос, – продолжил он повышенным голосом, – никогда не был иным, нежели прямым, всегда только прямым и откровенным! Господи, как же можно не почувствовать, что там противостояли друг другу два в корне различных мира! Как же это было во всей Палестине после Вавилонского пленения? Был большой нижний слой неевреев, и над ним стоял могущественный благодаря своим деньгам еврей-ростовщик. Так написано в Книге Неемии. Зомбарт говорит, что эта книга написана предельно ясно. 50) Суть дела в том, что настоящее население, масса угнетенных крестьян, принадлежало к совсем другой расе, нежели евреи. Постепенно этому населению навязывалась иудейская вера. Сам Христос гневается из-за этого: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя бы одного». 51) Там определенно сказано: из Галилеи прибыл он в Иудею. 52) Галилея была «языческой», если выразиться по-немецки, еще в малой степени принявшей иудаизм, население ее полностью «сидело во мраке», как воображали себе настырные евреи. 53) Поэтому они и говорили так часто: «из Назарета может ли быть что-то доброе?» и «и ты не из Галилеи ли? рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк». 54) Евреи были так твердо убеждены в нееврейском происхождении Христа, что они категорически причисляли его к ненавистным им самаритянам. 55) Только перечитайте! Там еще гораздо больше таких примеров.



- Тот народ, который стекался к нему, – согласился я, – неважно, откуда бы он ни приходил, в душе наверняка не имел ничего общего с иудаизмом, так мало, что фарисеи ужасно из-за этого злились. «Но этот народ невежда в законе, проклят он», шипели они своим слугам, когда они безрезультатно отправились, чтобы схватить Христа. 56)

- Мне уже достаточно было детоубийства в Вифлееме, – сказал он. – Евреи, все же, не убивают свое собственное потомство. Как сообщается, были убиты все дети в Вифлееме и в его окрестностях. 57) Я готов к тому, чтобы меня повесили, если это произошло не в Галилее.

- Та же история, как с египетскими первенцами, – ответил я. – Только в том случае сам Иегова отдал приказ, итак, как было признано, это было религиозное действие, т.е. ритуальное убийство самого большого масштаба. С ним вместе пал обычай жертвенного агнца. 58) Странно.

- Ничто, – ответил он, – не свидетельствует более отчетливо о нечистой совести евреев, чем их беспрецедентно дерзкое утверждение, что они, мол, никогда не приносили человеческие жертвы. Весь Ветхий Завет полон этим! Самые большие казни происходят от имени Иеговы. О намерении Авраама убить собственного сына, я не хочу говорить. Во-первых, до этого не дошло, а во-вторых, вся эта история вообще представляется мне выдумкой. Вознаграждение за слепое послушание усиливает еврейский фанатизм. С пожертвованием дочери Иеффая это уже выглядит несколько иначе. Старик был «сыном блудницы», итак, уже не очень кошерным, на некоторое время дети Израиля его даже изгнали. Только по необходимости они привлекли к себе «человека храброго». 59) Его дочь была единственным его ребенком. И вот ее принесли в жертву. Без малейшего возражения; самое естественное дело. Итак, по старому обычаю. Теперь спросите себя, почему она должна была за два месяца до того «оплакивать» свою девственность? Она была еще неприкосновенна и оставалась такой до самого конца. Плакание происходило заранее. Для кого было определен такой цветок? Для Иеговы? Или для заместителя Иеговы из раввинского цеха?

- Уже Вольтер, – заметил я, – удивляется «доле Господа», которую евреи неоднократно выделяли из общего распределения захваченных у побежденных народов девственниц, чтобы его «проклинать». Что же потом происходило с девушками, спрашивал он. Ведь у евреев не было монастырей? Если «доля Господа» не была кровью, то что же это было? 60)

- Засунуть голову в песок как страус, – сказал он, – при этом показать зад, и потом делать вид, как будто никто ничего не видит, как раз это есть и остается еврейской тактикой. С того момента, когда древние евреи ворвались в культур-

ный мир, в нем эхом отражается непрекращающееся обвинение, что евреи используют нееврейскую кровь в религиозных целях. В древней Римской Империи, в мавританской Испании, в христианской Испании, во Франции, в Германии, в Польше, в России, всюду этот слух появляется снова и снова с той же самой определенностью, на протяжении тысячелетий. Просто смешно объяснять эти настойчивые обвинения, исходящие от самых различных народов, какими-то фантазиями. То, что евреи это делают, само собой разумеется. С железным упрямством они даже отрицают, что у них хоть когда-то был такой кровавый ритуал. И Отто Хаузер верит им на слово. У нас, мол, не было повода, пишет он, сомневаться в их заверениях. 61) Да? А дочь Иеффая? А египетские первенцы? А «доля Господа»? Это же и был кровавый ритуал, как он стоит в книге. Более осязаемо, как говорится, нечистая совесть вовсе не могла бы выдать себя, как в наглom отрицании этого общеизвестного факта.

- Но это действует, – возразил я. – Мы же не умеем читать; и если мы однажды что-то и прочитали, то мы снова это забываем. Католическая церковь причислила большое количество ритуально убитых детей к лику блаженных, даже святых. Святой Рудольф в том числе, покровитель бывшего наследного принца Австрии. Кто это еще знает? По-видимому, даже священники уже не знают. Лютер 62) прямо обвинил евреев, что они «крадут и прокалывают шилом» детей. Но он пишет также и то, что они дают «большие суммы денег, и тем самым приносят пользу господам». Старый метод, когда становится слишком жарко. Да свершится правосудие!

- Иногда, – заметил он, – это, впрочем, не получалось. Как давно, все же, случилось так, что еврей Хюльснер был разоблачен в Польше 63) после явного ритуального убийства и приговорен к смертной казни?

- Но его помиловали, – возразил я, – заменили казнь пожизненным заключением. А после революции его вообще освободили.

- Ну и пусть! – воскликнул он. – Он был осужден! Доказательно. Неоспоримо. Ни один еврей уже ничего не изменит в этом факте. Так же мало, как в доказанном ритуальном убийстве отца Томаса. 64) Целая свора евреев напала на него, как раз в доме «самого набожного» еврея города, и по-настоящему зарезали по религиозному обычаю; все они были неожиданно задержаны, отделены друг от друга, и все признались в своем преступлении, все без исключения. Их показания об ужасных подробностях совпадали как шаблоны. Срочное приглашение сделать прививку ребенку, весьма дружелюбный прием – не хотите ли что-то поесть с дороги? – потом внезапно схватить, заткнуть в рот кляп, утащить в заднюю комнату, дожидаться ночи, разрезать горло, собрать кровь – верховный раввин с нетерпением уже ожидает, чтобы для Пасхи добавить ее к

опреснокам, сжечь одежду, разрубить труп, замести следы. Шаг за шагом, абсолютно точное соответствие. Никакая пытка мира не заставит дать такие показания, что бы там ни ввалили дети Израиля. Результат: десять евреев приговорены к смерти. Казнь должна вскоре последовать. Но...

- Но она не последует, – горько прервал я его. – К правителю Египта Мехмету Али, вечному расточителю и потому вечно нуждавшемуся в деньгах, прибыли из Парижа два еврея, Кремье (65) и Монтефиоре, один воплощенная хитрость, другой – само богатство, за ними стоял, кроме того, дом Ротшильда, (66) и – кто этого не видел, тот и не увидит – десять евреев один за другим были помилованы и освобождены. «Я люблю евреев. С радостью я даю их представителям это доказательство моей симпатии», усмехается благородный Али обоим посредникам. Косясь при этом плутовским взглядом на сияющее лицо своего казначея.

- Ну, таким подлым он все же не был, – услышал я в ответ. – Он не сказал, что арестованные были невиновны. Арестованные освобождены, всё, точка! Пересмотр дела, пожалуйста, нет! Из этого не выйдет ничего хорошего. До свидания, господа! Это было все, чего требовали евреи, но и этого хватило, чтобы отъявленный мошенник Кремье два десятилетия спустя (67) мог громогласно вещать с трибуны, что, мол, он и Монтефиоре разрушили «эту отвратительную клевету перед судом великого Мехмета Али». Для него это было тем более легче, что официальные материалы процесса вскоре после этого исчезли. Ведь должность министра это не просто так. К счастью, есть другие сообщения, дошедшие от очевидцев и свидетелей, «письма, которые к ним не пришли». И это самое главное.

- Таким плохим, – заметил я, как бы между прочим, – Мехмет Али не был, однако, он был настолько подл, что без угрызений совести отдал на растерзание еврейской мстительной банде того пашу, который проводил исследование против ритуальных убийц. Под каким-то предлогом он приказал его казнить. (68) Также и для Турции, похоже, справедливы слова Вернера Зомбарта (69): «Как Мефистофель и Фауст, еврей и князь столетиями шагают рука об руку».

- До тех пор, пока князь не пропадет по дороге, – кивнул он. – Как раз сейчас и пришло это время. «И Иосиф плакал долго». С нашими монархами, за небольшим исключением, дело никогда не обстояло хорошо. Без евреев не обходился никто. Даже у самого добросовестного из них, у Фридриха Великого, их было трое в качестве помощников: Эфраим, Мозес (Моисей) Исаак и Даниэль Ициг (70). Никакого влияния? Я скажу тебе: уже одна единственная еврейская портянка отравляет воздух. Ведь ради чего все делает еврей? Ради денег, разумеется; но только потому, что деньги дают ему влияние, дают ему власть. И он получает это влияние, эту власть. Прямо или тайком. Тот, кто попадется на его

удочку, в один прекрасный день почувствует на себе эти силы. Прямо или тайком. Уже сама по себе дурная слава еврея пачкает и портит обаяние народного доверия. Это его устраивает, он хочет этого. «Снаружи Фридрих, внутри Эфраим», смеялись пруссаки над фальшивыми монетами Фридриха Великого. Когда король умер, еврейская неблагодарность выразилась в проклятиях в адрес его «строгого» правления. Еврейская пресса сделала между строк хорошую работу. Государственная идея Фридриха «Единственного» была подточена вместе с его памятью. С тех пор дела быстро покатались под гору, через еврейскую эмансипацию при Фридрихе Вильгельме III 71) до еврейского марксизма при императоре Вильгельме I и еврейской революции при Вильгельме II. «В наши дни биржа приобрела такое влияние, которое может в ее интересах вызвать вооруженную силу на войну», писал старый Мольтке в его «Истории немецко-французской войны». Объяснения, почему это так, верный монархист, к сожалению, не добавил.

- Позволить каждому человеку спасаться по своему фасону, – подчеркнул я, – не стоило бы рекомендовать. Молчаливой предпосылкой был достойный образ мыслей, настоящая вера, а не какое-то жалкое фарисейство.

Это различие определенно нужно было подчеркнуть. Этого не произошло, и у религии менял было преимущество. Иисус Христос не был таким терпимым. С хлыстом он выгонял «детей дьявола». Несмотря на то, что он говорил: «Любите врагов своих»!

- Любите, да, – ответил он, – если это настоящий враг, открытый, пусть даже, как по мне, и очень жестокий, то его также можно любить, по крайней мере, его можно уважать, и именно так это понимал также и Христос; но чтобы мы тех чистых бестий, людей, которых любовь целого мира не могла бы отвадить от того, чтобы они отравляли нам душу и тело, могли бы впустить в свое сердце, это Христу не пришло бы в голову даже во сне. И он сам не делал этого. Наоборот, он бил их, бил так крепко, как только мог, и то, что он, полный возмущения, бросил в лицо этому сброду, дышит самой непримиримостью. Для меня это был бы славный основатель религии, между действиями и учением которого не было самого незначительного противоречия! В противном случае все блеф. Почему тогда «набожные» никогда не руководствовались этим? И они – в самой меньшей степени. Они до смерти преследуют даже приличного противника; если точнее, то именно его. Зато перед самыми прожженными жуликами они закрывают глаза. «Баварская народная партия» точно знает, что мы без всякой задней мысли защищаем христианские основы нашей нации; однако, она знает, что мы, пока она не изменится, не будем иметь с ней никаких дел; и потому она предпочитает иметь дело с евреем, так как надеется остаться у власти с его по-

мощью. Но ее ждет сюрприз. Еврей, источая приветливость, использует ее, и потом плетями погонит ее к палачу, как только у него в руке будет власть.

- Это неизбежно, – согласился я с ним, – но с нами у них этот страшный опыт не получится. Мы не убиваем, менее всего нашу собственную плоть и кровь. Что касается нас, то пусть даже эти господа снова придут к рулю государства, лишь бы только этот свинарник был приведен в порядок, и тогда они поняли бы, насколько мы были правы. Мы боремся не ради власти. Но мы хотим немецкого духа, мы хотим настоящего христианства, мы хотим порядка и дисциплины, и хотим, чтобы это укрепилось настолько, чтобы также наши дети и внуки не смогли бы ничего в этом изменить.

- Они считают, – сказал он, – что это невозможно, и поэтому видят в нашей программе только пустые фразы, те самые фразы, которыми они сами так сознательно жонглируют. Но это не только возможно, но даже определено; пусть даже это и нельзя сделать за один день. Нужно только начать. Еще нигде и никогда не было настоящего социального государства. Всюду и всегда верхний слой гораздо больше тяготел к принципу: «что твое – мое», чем к «что мое – твое». В том, что нижний слой, преисполненный ярости, теперь совершает упомянутую ошибку, эти умники должны винить себя сами. У еврея есть преимущество перед обоими. Один озабочен своими делишками, другие их исполняют. Поэтому мы выступаем против обоих. При нас закончится как засилье бонз с их привилегиями, так и рабство. Это арийское, это христианское мировоззрение. Оно коренится в свойственном нам от природы разуме, раньше оно было неосознанным, и стало осознанным со времен Христа.

- Верно, – ответил я, – мы боремся и против левых, и против правых. И потому происходит нечто весьма странное: с нами борются оба направления, которые и так враждуют между собой. Красные кричат, что мы реакционеры, а для реакционеров мы большевики. И тут, и там еврей трубит сигнал к атаке против нас. Нижний слой этого еврея не видит, пока не видит, и потому ненавидит нас из глупости; верхний слой видит его, но хочет воспользоваться им в своих корыстных целях, и потому с еще большей бессовестностью нападает на нас со спины. Тут нужно очень много веры, чтобы не утратить мужество.

- У нас ее, слава Богу, более чем достаточно, – выпрямился он со смехом. – Ни одно слово не обращено к нам больше, чем «Не бойтесь!». И эти слова должен был произнести еврей? Эта креатура вечного страха? Что за чепуха!

- Подлог тут очевиден, – ответил я. – В Евангелии от Иоанна Христос объясняет самаритянину, что спасение приходит от евреев, и в том же самом Евангелии несколькими главами позже он кричит евреям, «вы не от Бога», подчеркивает

там даже, что он говорит правду, но Авраам этого не делал. 72) Быть не от Бога и быть детьми дьявола, это, в принципе, одно и то же. И из этой местности должно было прийти спасение? Даже слепой заметит здесь позднейшую вставку известного фокусника. И тот же обман там, где говорится о Христе, что он пришел не нарушить закон, а исполнить. Ни одна йота и т.д. 73)

Чепуха! Он шаг за шагом ломает закон, с очевидным намерением! Он советует это даже своим апостолам, да еще и так часто. Он идет с ними в субботу через посева, срывает колосья и ест их, что запрещено; в синагоге он ест хлеба предложения, которыми могут питаться только священники, и разрешает их есть своим спутникам; что касается законов о приеме пищи, то он публично требует их нарушать 74) – очень странное «исполнение» законов! Полная чепуха, и там она только для того, чтобы мы верили в его прирожденное почтение перед еврейской религией из задницы.

- Ты касаешься, – постучал он меня пальцем по груди, – основного рычага евреев для отвлечения от прирожденной подлости их расы. Народ, который произвел спасителя, должен быть избранным! При этом этот глупый сброд был настолько глуп, что он наряду со своими фальшивками оставил там самые явные противоречия. Если бы мир не был настолько простодушен, он давно бы уже разгадал этот фокус.

- Ну, – подмигнул я, – все же, вероятно, они были умными. Я имею в виду; умные, которые были достаточно умны, чтобы не быть умными. 75). Подумай о Лютере! «Евреи хотят все свои дела делать двусмысленными и ничего не делать определенного», пишет он. 76) Всегда их тактика приводит к какому-то замешательству. Спор о Христе был неизбежен. И он дороже им, чем всеобщая вера в «еврея» Христа. А то, что теологи, в особенности протестантские, снова и снова вытаскивают на свет Божий эту лживую легенду, то тут мы знаем, с кем имеем дело.

- Это чистая теология, – сказал он, – причислять Христа к народу, религиозные книги которого 77) непрерывно ругают его как «байстрюка», как «животное разврата», как «повешенного», как «погребенного на навозной куче мертвого пса», и наслаждаются надеждой, что он отправился в «ад с кипящими экскрементами». Тут можно просто схватиться за голову из-за этого избытка психологических знаний. Неудивительно, что недавно студенты теологии Тюбингенского университета в честь светоча их кафедры всерьез переоделись в еврейских священников и в торжественном шествии пели псалмы 78). Либеральная «Мекленбургская газета» называет это «торжественным примером объединения науки и народного духа». Ну да, конечно.

- Блаженны простаки, – проворчал я, – ибо их назовут идиотами.

## Глава V

- И в любое время, – продолжил он, – еврей сразу оказывался на переднем плане, если нужно было испортить что-то новое и важное. Он как собака чует то, что опасно для него, и потом со всевозможными хитростями стремится справиться с ним. Извратить, сделать из этого что-то другое, или, по крайней мере, направить в другую сторону, вот его цель. Шопенгауэр называл его «пенной человечества», «скотом», называл его «великим виртуозом лжи» – и что же он делает? Он основывает Общество Шопенгауэра. Также и Общество Канта – тоже дело его рук, вопреки тому, или, скорее как раз потому, что Кант весь еврейский народ в совокупности считал «нацией мошенников». 79). То же самое и с Обществом Гёте. «Мы не терпим евреев среди нас», говорит Гете. 80) «Их религия дает им право грабить чужаков», пишет он. 81) «И этот хитрый народ видит для себя только одну открытую дорогу: пока поддерживается порядок, то ему не на что надеяться», продолжает он. 82) Категорически он подчеркивает: «Я воздерживаюсь от всякого сотрудничества с евреями и с сообщниками евреев». 83) Все напрасно. Еврейское Общество Гёте существует. И оно существовало бы, даже если бы он сам недвусмысленно запретил его как мошенничество.

- С тем же самым правом, – заметил я, – мы оба можем присоединиться к Союзу талмудистов. Что же это за бесстыдство! Ума не приложу.

- Но не для еврея, – ответил он. – Для него нет бесстыдства. Для него есть только польза или вред. Подходить к нему с другими мерками, это значит покусать кота в мешке.

- Наши чародеи и гадатели, – сказал я, – все делают это. Гёте, Кант, Шопенгауэр, похоже, кажутся им самыми настоящими болтунами.

- Ах, да что там Гёте! – он пренебрежительно махнул рукой. Даже Святой Фома Аквинский не привлечет внимание этих людей. Этот великий отец церкви писал однажды (64), что евреи, которые плыли на одном корабле с христианами, играли там странную роль: в то время как христиане занимались управлением кораблем, евреи ограбили кладовую и просверлили в корабле дно. Нужно забрать у этой банды украденное и приковать ее к веслам. Какая жестокость! Как не похристиански! Бедные евреи! От них так многому можно научиться! Мы, доктор Хайм и Швайер, знаем это все же лучше. Мы – это мы. И так миром продолжают управлять с той же мудростью, с которой им управляли, пожалуй, уже во время иосифского фараона.

- И управляют им как раз те государственные деятели, – дополнил я, – за явным и громким правлением которых вовсе не заметно, что на самом деле правят не они, а другие. Царь Николай II, который поддался тому же самому самообману, за это получил пулю в голову. Уже в 1840 году Дизраэли (85) дал нам намек, чтобы мы могли заподозрить это. «Таинственная русская дипломатия организуется евреями», разболтал он тайну. Также о «могущественном перевороте, который готовится в Германии», он уже выбалтывал разное, прежде всего, «что он развивается полностью под еврейским руководством».

- Любой переворот, – сказал он, – плохого или хорошего направления, развивался под еврейским руководством. Вообще, перевороты с подлыми намерениями были делом еврейских рук; а перевороты с благородными целями благодаря еврею очень скоро сворачивали в его мутный фарватер. Как звали первых евреев, которые мгновенно прицепились к юному христианству, не имеет значения. В любом случае это были евреи. Осызаемые фальсификации в Новом Завете не оставляют в этом сомнений. *Cui bono?* Кому они были выгодны? Только евреям. Итак! Апостол Павел был кандидатом раввината. Собственно, его звали Шауль, Савл; Максимилиан Харден был на самом деле Изидором Витковским; Карл Маркс: Мордохай; Фердинанд Ласаль: Лассаль; Троцкий: Бронштейн; Бела Кун: Кон; Зиновьев: Апфельбаум; Ленин, которого даже сами евреи признают теперь как одного из своих: хоть и Ульянов, но это тоже наверняка не настоящее его имя. Изменения еврейских имен многочисленны как песок на море. То, что цель этого – ввести в заблуждение, не может понять только набитая соломой голова.

- Курт Эйснер, – согласился я по опыту, – тут в Мюнхене руками и ногами отбивался от утверждений, что его настоящее имя Саломон Космановский. Но ведь именно так его и звали.

- То, что Шауль, – продолжил он, – сначала выбрал себе звучащее по-римски имя Савл (Саул, Саулус), а потом переименовал себя в Павла, заставляет задуматься. Еще больше то, что вначале он преследовал едва оперившуюся христианскую общину с исключительной жестокостью. Я не знаю: массовые убийцы, которые позже становятся святыми, не слишком ли много чудес в этом? Впрочем, еврей Вейнингер предполагает, что и Христос тоже изначально был преступником (86); но, Боже мой, даже если это говорит и сто раз еврей, это вовсе необязательно должно быть правдой. Я только думаю, что, возможно, среди членов наблюдательного совета «Дойче Банка», (87) есть католики, у которых другие воззрения, и я, ради Бога, не хотел бы забегать вперед их!



- Никогда не забегай вперед, пусть сперва Великие действуют, – процитировал я подзабытого поэта Франца Ксавера Мюллера, 88) – они свистят иначе, чем мы, маленькие люди.

- Совсем иначе, – заметил он сухо, – да так, что от этого тошнит. Те, кто с давних времен повсюду добывают себе должность и местечко, могут вызывать к себе только жалость. Сплошные кумовья портных и перчаточников, которые подсаживают друг друга, чтобы вскарабкаться наверх. Но не потому, что они так ценят друг друга, а потому что без своей клики ничего не получится. Это как у еврея. Настоящий мужчина полагается на свою собственную силу. Только карьерист, в принципе, может упрекнуть немецкий народ в том, что он не держится вместе. Его опыт подсказывает ему метод паразита – цепляться за кого-то как репей и ползти наверх. В беде не обойтись, конечно, без тесной связи; но что, все же, привело нас к такой беде? Именно это самое жалкое сближение многих и слишком многих среди нас. Такое положение может дать только временное преимущество. Быть мужчиной, больше ничего не нужно. Тогда будь что будет. Этот общий дух был бы непреодолим. Потерпите! Мы еще доживем до этого. Еще не вечер.

- Вообще, – сказал я, – эта вечная болтовня: берите пример с еврея! Если еврей так многого добился, то почему же тогда никто не хочет быть таким, как он? Потому что он «добился» этого только для виду, а не на самом деле. И это чувствует каждый. Провонять весь мир, все время быть начеку, ни одной минуты не принадлежать спокойно и без тревог самому себе, всегда думать «где я могу нажиться, какая мне с этого польза, как мне здесь лучше всего зацепиться?», да, черт побери, ни одна собака не захотела бы долго жить так! Тут я снова хочу процитировать Лютера. «У них на шее висит месть в тысячу раз хуже, чем мы могли бы пожелать им», говорит он. 89) И так это и есть на самом деле.

- Даже в подсознании, – произнес он, – у еврея нет ни малейшего представления о смысле земной жизни. Большой мастер подсчетов воспринимает настоящий момент, то, что прошло до сих пор, как тысячелетия, и воображает, что этого всего он сам достиг со времен Авраама, в отличие от нас. Но на самом деле внутри себя он все еще остается на том самом месте, что и тогда; даже если его внешнее жеманство и производит другое впечатление. Как и тогда, он и сегодня еще не может открыто выбраться из самого себя, как и тогда, он сегодня зависит от бестолковой, собранной из всех сословий «черни», и он ни в одно мгновение не чувствует себя в безопасности перед угрозой ее возмущения. Как и тогда, он должен, чтобы продержаться, плести интригу за интригой, должен лгать и извращать. И то, что происходило тогда в Египте, борьба против его большевистских орд, происходит также еще сегодня, между этим лежит только

кажущаяся пауза. Когда принято решение? Еще до того, как вы досчитаете до трех.

Он задумчиво потер себя по лбу. Жаль, подумал я, что об этом нельзя говорить на собраниях. Многие, конечно, чувствуют это, но обдумывают – очень немногие. Для этого время еще не пришло.

- Это совсем другой комплекс старых событий, – сказал я, – чем тот, который представляет себе добрый Освальд Шпенглер. 90) Он думает, что если он сошьет вместе всевозможные маленькие лоскутки, то получится «живая одежда божества». И как он за волосы притягивает самые разные вещи. Ни складу, ни ладу. Что-то вроде остроумничанья любой ценой, и вообще это тщеславие, которое действует на нервы. Я считаю его евреем. Уже та гигантская реклама, которая сразу сопровождала его книгу, говорит в пользу этого.

- Этот лгун, – вставил он, – умудрился написать более 600 страниц, не упомянув ни одним словом еврейскую заразу. Этого достаточно.

- Как и Томас Манн, – согласился я с ним, – в его толстенной книжке «Политические размышления аполитичного». Еврей? Ах ты, Боже ж мой, а про него ведь я совсем забыл! Да, но что за роль он тут играет, в конце концов? Не стоит трудов.

- А ты знаешь, кто еще поступает так же? – сказал он кратко. – Павел, он же Савл, он же Шауль! Там и тут порой наполовину строгое, наполовину жалобное слово против «обрезанных», и это все. О самом важном, о жалкой бесхарактерности евреев, об их дьявольском коварстве, об их ужасном суеверии Иеговы и Талмуда – ни звука.

Если кто-то в этом разбирается, так это он. Как никто другой он знает, что от всех народов мира евреи требуют в первую очередь духовную помощь. «Идите не к язычникам, а к потерянным овцам дома Израиля!» – требовал также сам Христос. Но Павлу на это наплевать. Он идет к грекам, к римлянам. И приносит им «христианство». Такое христианство, с которым можно перевернуть вверх дном всю римскую мировую империю. Все люди равны! Братство! Пацифизм! Никакой чести больше! И еврей восторжествовал.

- Я все еще думаю, – продолжил я эту мысль, – о чудном господине Левине из газеты «Берлинер Локальанцайгер», когда из него внезапно вырвалось восхищенное признание: только еврей смог бы сделать это, имея в виду ту дерзость Павла, когда он встал посередине Капитолия и болтал там про свое учение, ко-

торое должно было уничтожить Римскую Империю! Слово в слово он сказал это так; я точно помню это еще сегодня.

- Тут он попал в точку, – ответил он. – Пока христианство очухается от Павла, пройдет еще очень много времени. Ах, что же мы все-таки за доверчивые люди! Какой-то еврей убивает сотни христиан, вдруг он замечает, что все остальные становятся из-за этого еще более ревностными в вере; его озаряет этот знаменитый свет; он разыгрывает из себя изменившегося, принимает красивую позу, и смотрите: хотя он повсюду и во всем отклоняется от других апостолов, мы внимательно и благоговейно слушаем его проповедь с мощным голосом. Простое учение Господа, которое мог понять даже ребенок, мы позволяем «истолковывать» и «объяснять» нам какому-то еврею.

- Еврей, – заметил я, – скажет: так почему вы так глупы и позволяете всякому рассказывать вам разные сказки? И есть много чародеев и гадателей, которые из-за его чрезмерной хитрости, или, как они называют это, «духовности», взирают на него с робким восхищением.

- Если бы, – ответил он, – речь шла только о чистом обладании, то они были бы правы. Некий Мориц Гольдштайн 91) однажды торжествующим тоном заявил, что евреи управляют духовным богатством немецкого народа. Жаль, что он не добавил, как именно они им управляют. Я боюсь, если они, например, еще несколько десятилетий подряд будут интерпретировать Гёте, народ в один прекрасный день с удивлением узнает, что Гёте был родом из Франкфурта. Но также и тогда еще будут существовать люди, читающие Гёте глазами Гёте, а не через покрытые слизью очки какого-то Морица. Вряд ли это будут профессора, а, вероятно, бродяги. Во всяком случае, это тот вид, который не вымрет, и он хорошо сохранит старого Гёте, и пусть тогда евреи спокойно «управляют» новым Гёте. За этого нового Гёте в их руках можно только порадоваться.

- Но если их, – заметил я озабоченно, – доверчиво слушают и «бродяги» тоже, т.е. они тоже попадают на их удочку?

- Тут все дело, – он улыбнулся, – в сущности этих «бродяг», если их сердце настолько чисто, то голова их может позволить себе слушать все, что угодно, отклонений не будет никогда. Они нищие духом, как говорится. «То, что не видит никакой разум разумного», то они чувствуют. И сохраняют это. Можно обмануть их голову, но над их душой у них даже самих нет силы.

## Глава VI

- И ты видишь, – постучал он по столу, – только их нужно благодарить за то, что еврей не «управляет» так также и нашим христианским богатством, как всем нашим прочим культурным. Где они? Где они были? Среди высоких и низких, среди королей и солдат, среди пап и нищенствующих монахов, среди ученых и профанов, всюду. Только не среди «только богатых», не среди «только разумных», только не среди жадных и ненасытных, только не среди «черни». Там властвует еврей. То, что появляется здесь как духовное богатство, тем он действительно управляет; это его собственное. Как царь Мидас всякую вещь превращал в золото, так еврей каждое глубокое слово превращает в грязь. Но для других, для...

- Бродяг души, – подсказал я ему.

- Все остается по-старому, – кивнул он. – Были папы с еврейской кровью. 92) Также и прочих высокопоставленных церковников того же самого происхождения всегда хватало в церкви. Являлось ли то, что они представляли, католицизмом? Нет, это был иудаизм. Возьмем только одно: продажу индульгенций. Еврейский дух, в чистом и живом виде. Мы оба католики, но разве мы не можем говорить об этом? Хотят ли нас действительно убедить, что церковь никогда и ни в чем нельзя было упрекнуть? Как раз, потому что мы католики, мы и говорим об этом. Это же не имеет ничего общего с католицизмом. Мы знаем о нем, что он остался неприкосновенным, даже если половина церковной иерархии состояла из евреев. Какое-то количество внутренне искренне верующих людей снова и снова поддерживало на высоте его достоинство. Часто только в тишине, иногда даже против папы. Иногда их было много, иногда мало. В зависимости от того, кто был духом во главе. В общем, можно сказать, что папы германского происхождения олицетворяли католицизм более чисто, чем итальянцы или испанцы. Немец Гильдебранд, став папой Григорием VII, поддерживал и укреплял католицизм так последовательно, как никто другой. Пока он был у власти, пагубному равноправию евреев был положен конец.

- То, что, – сказал я, – этому сильному папе пришлось умереть в ссылке, вероятно, связано с этим. Еврей всегда как-то найдет тайный способ отомстить.

- Без сомнения, – был ответ. – Выслеживать влияние евреев повсюду, вот это как раз и должно было бы стать альфой и омегой для наших историков. Вместо этого они исследуют испражнения прошлого. Карл Великий защищал евреев по всем правилам. Гибель двенадцати тысяч саксов, которых он приказал казнить около Вердена, лучшая германская кровь, и его еврейские советчики, как мне кажется, были весьма связаны друг с другом. Очевидное безумие крестовых

походов обескровило немецкий народ, стоив ему около шести миллионов человек. Наконец, Фридриху II Гогенштауфену удалось одними лишь переговорами, без единого удара меча, обеспечить Святую землю для христианского мира. И что сделала курия? Она, полная ненависти, отлучила императора, не признала его договор с султаном, и разрушила этот большой успех. Кажется, этим кукловодам была важна не столько цель походов, сколько максимально возможное кровопускание. В конце концов, произошел еще и детский крестовый поход. Десятки и десятки тысяч детей отправились в поход против победоносных турецких войск и все погибли. Никогда я не поверю в то, что идея этого безумия родилась не в еврейской голове. Все время я вспоминаю об убийстве вифлеемских младенцев. И об убийстве египетских первенцев. Я многое отдал бы за то, чтобы увидеть фотографии проповедников и подстрекателей Крестовых походов. Джордано Бруно 93) называл евреев «зачумлённой, прокажённой и опасной расой, которая заслуживает искоренения со дня её зарождения». Гениальный мыслитель был сожжен. Из-за его ереси? Тогда в Италии и без него кишело еретиками, противниками церкви; а казнили самого объективного.

- Как же это все теперь? – прервал я его. – Еврейское зверье в России пытается до смерти одного католического священника за другим, многие сотни уже казнены; церковь при смерти; Сатане и Иуде поставили памятники; а Рим никак не может назвать вещи своими именами. Иногда какая-то маленькая попытка – и все сразу снова замолчали. Католицизм хочет говорить, иудаизм парализует ему язык. Ты знаешь, что говорил Требич 94): Германия станет большевистской, и евреи, играючи, справятся с Римом. Как еврей, он должен был знать это.

- Рим, – ответил он, – укрепитя, но только если сначала укрепимся мы. Только основательность немца может открыть миру глаза. Появится второй Гильдебранд, еще больший, и зерна отделят от плевел; и однажды скажут; это был церковный раскол.

- Потому что, – воскликнул я, – разоблачат тех, кто в нем виновен! Потому что выбросят скрытого еврея вместе с его кукушкиными яйцами из всего христианского мира! Не только египтян, но и христиан он тоже натравливал друг на друга, «чтобы брат сражался с братом, и друг против друга» и т.д., и он продолжает это делать еще и сегодня. Извне он действовал, сначала устраивая ловушки, потом как бандит в прессе; изнутри, и это было самое опасное, – под маской христианского духовника. Христианские конфессии кишат еврейскими и полужидевскими священниками, протестантская еще больше, чем католическая. Они уже настолько уверены в своей победе в лютеранстве, что в Дрездене пастор Вальфиш 95) публично произнес такую дерзкую фразу: «Я – еврей и также остаюсь им; да, теперь, только после того, как я познакомился с христианской

верой, я и стал настоящим израильтянином». И в Гамбурге пастор Швайб 96): «Я чувствую себя как настоящий еврей и всегда чувствовал себя таковым». Где что-то в таком роде возможно, там христианство может считать себя похороненным.

- Мне снова и снова приходится смеяться, – сказал он, – когда я вспоминаю портрет проповедника Паулюса Касселя в шедевре о протестантстве. Что-то вроде лицемерной еврейской физиономии, старый, курчавый биржевой маклер в мантии, и при еврейской миссии! Сразу можно себе представить, как жирный еврей-талмудист тянет за собой длинную череду кривоногих банкиров, идя вперевалку и ласково похлопывая, в собор к крестильной купели, осанна! Спасение спустилось к ним! Глава уже начинается прекрасно. «Израиль – это загадка всемирной истории». Конечно, это так: но только не для всех. «Когда-то народ патриархов и пророков». Когда-то? Ах, ну да! Еще и через тысячу лет это будет народом архиплутов и мошенников- лжепророков. Прожженный жулик патриарх Авраам дважды подсовывает свою жену Сару в гарем под видом своей сестры; и дважды с помощью Иеговы эта махинация приносит ему пользу. Пророки буйствуют, взывая к мести, как дикие звери в клетке. Вели ли себя так же и те из них, которых побивали камнями, я не знаю. Их пророчества удивительным образом пропали до последней буквы. Осталось только лишь рассмотреть авторов псалмов. Тоже миленькое чтение, если заглянуть за их сладенькие намерения. Нашим протестантам никак уже не помочь. «Честные люди, но изворотливые типы», называет их протестант Шопенгауэр. 98) Библия – это не кулинарная книга.

- Дух Лютера, – заметил я, – кажется, совсем улетучился у них. В главном вопросе всех вопросов, в еврейском вопросе, они либо замалчивают его, либо стремятся его «смягчить». Даже самый доброжелательный и видный среди их теологов, профессор Вальтер, 99) называет отношение Лютера к евреям «настолько оскорбительным, что оно должно вызывать не только озадаченное удивление у христиан, но и большое негодование у евреев». Тем христианам, которые озадаченно бы удивились, не понадобилось бы удивляться, если бы они уже раньше не были озадачены евреями; и мы ни на йоту не должны переживать из-за большого негодования евреев. Да и где, впрочем, мы могли бы заметить это негодование? До сих пор Израиль был по этому поводу тих как мышь. Зато евреи всегда расхваливали Лютера до небес как противника Рима. «Лютер, дорогой человек», – так начинает Генрих Гейне 100) настоящий гимн реформатору.

- Он знает, почему, – усмехнулся он. – Все евреи знают, почему они восторгаются Лютером, но при этом игнорируют его антисемитизм. Совсем не желая этого, он оказал им огромную услугу, и как! Чем больше они подчеркивают его ав-

торитет, тем меньше мир замечает его ошибку. То, что он позже проклинал их как чуму, горько. Но – кто знает это?

- Еврей Голдман, – вставил я, – выразил это откровенно. 101) «Лютер снова возвеличил Ветхий Завет».

- Вместо того чтобы лишить его этого величия, – был ответ. – Перевод Ветхого Завета Лютером, на мой взгляд, принес пользу немецкому языку, зато нанес ужасный вред немецкому рассудку. Господи, какой славный ореол окружает теперь Библию сатаны! Поэзия Лютера так блистательна, что даже кровосмешение дочерей Лота приобретает религиозный отблеск. Приказ Иеговы плодиться и размножаться нужно ведь было выполнять любой ценой, даже и этим двум благородным девам. Лишь бы помогло.

- Шопенгауэр 102) выразился в подобном духе, «- согласился я. – Кто хотел бы понять Ветхий Завет, должен читать его в греческом переводе, считал он. Там у него был бы совсем другой звук, совсем другой цвет, никакого «предчувствия христианского»! Наоборот, работа Лютера представлялась «набожной», но при этом часто «неправильной, иногда неумышленно, иногда умышленно, и повсюду в церковном, возвышенном тоне». Лютер позволил себе изменения, «которые можно было бы назвать подделкой», и т.д.»

- Нет, не Лютер, – поднял он палец. – Изменяли и фальсифицировали раввины, которые все время помогали ему при переводе, иврит ведь нужно было изучить. Еврейский язык это тяжелый язык. 103) Например, ты думаешь, что слово «геа» означает «соплеменник». Но тут приходит раввин и говорит, что это значит «ближний». И так и переводят: «Возлюби ближнего своего, как самого себя», вместо, как это было бы правильно: «Возлюби своего соплеменника, как самого себя». 104) Совсем маленький фокус, но – к любви евреев к другим людям больше не подкопаешься!

- Значит, и Лютер оказался жертвой обмана «Божьего народа», – ответил я. – И таким образом Ветхий Завет должен был волей-неволей стать для него откровением. В этом ослеплении он и подходил к этой книге. Она просто не могла содержать для него ничего другого, кроме великих ценностей. И он, начав читать, сразу же шаг за шагом наталкивается на подлости. Удивленно он оглядывается по сторонам. Беспомощно. Но этого же не может быть! Это должно иметь другой смысл! И правильно, он читает между строками то, чего там совсем нет. Всюду он видит намеки на Спасителя. Но сами евреи и во снах о нем не думают. Их мессия – это не «маленький хвостик ягненка», как насмехается над Христом Гейне 105), не презирающий земные блага; нет, их мессия – это наоборот жестокий пес, который полностью захватывает все земное для своих евреев; он –

«князь мира сего». Там беспрерывно говорится: «Ты будешь насыщаться молоком народов, и груди царские сосать будешь», «достояние народов придет к тебе» или: «вы будете пользоваться достоянием народов и славиться славою их», «и дам народы в наследие тебе и пределы земли во владение тебе». Впрочем, чтобы мы правильно поняли: одни эти фразы пишет «вдохновенный Богом» пророк, другие взяты из «глубоко нравственного» псалма. 106) Лютер был настолько доверчив, что занялся приукрашиванием. Тем легче, что он посреди этого самого глубокого болота находит такие места, как, например: «но и между этими народами не успокоишься, и не будет места покоя для ноги твоей», или: «и будешь ужасом, притчею и посмешищем у всех народов». Сочувствие охватывает его. Евреи, представляется ему, потеряли верность своему божественному учению, но они снова найдут дорогу домой к нему. То, что все эти угрожающие проповеди служат только тому, чтобы твердо удерживать их как раз на этом ложном пути, он не понимает. У многих пассажей, на первый взгляд, самого благородного намерения, есть совсем другая цель. Цель подстраховки. Позже он узнает это, но только по живущим евреям, не по их Библии. «Евреи хотят все свои дела делать двусмысленными и ничего не делать определенного». Вот в этом-то и дело. Если кто-то укажет им на особенно гадкое предложение, они возмущенно укажут на другой пассаж, который прямо-таки источает сердечную доброту. Генрих Гейне пишет против Германии подлое стихотворение, а спустя пять минут он уже расхваливает до небес «дорогую родину». Дело настроения? Ах, Боже мой! У старой потасканной шлюхи иногда есть «настроение» петь «Ave Maria». И абсолютно честный человек частенько бывает в «настроении» что-то украсть. Глупость! У еврейской лисы все эти ее кривые и прямые норы устроены не просто так. Только если заткнуть их все, можно вывести ее на чистую воду. Фрич 107) оставляет еврею еще выход с помощью той мыслительной конструкции, согласно которой якобы было различие между древними израильтянами и евреями. Из прямой норы он выходит на прежнюю, более древнюю кроличью дыру.

- И вдруг, – засмеялся он, – еврей покинет кафе как израильтянин. Нет, ты прав. Хорошим еврей прикидывается только для того, чтобы суметь еще более незаметно сделать что-то плохое. Все время своего существования он поступает так, и так останется также навсегда.

- Это двуличие, – дополнил я, – ты найдешь даже у Спинозы. 106) Трудно себе представить более свободный взгляд на мир, чем у него, и в то же время его этика может испугать даже свинью. «Во всех вещах ищите пользу», вот квинт-эссенция его морали. Истинно еврейская точка зрения. Характерно, что этот «борец с иудаизмом» вопреки всем издевательствам в его адрес со стороны евреев никогда не высказывался о еврействе. Это Отто Хаузер 109) называет его так. Ну да, если кто считает философию только пустой «игрой мыслей», нужной



только для того, чтобы доставлять удовольствие философам; о том знают только приблизительно, сколько часов уже пробило.

- Также и Каспар Хаузер 110) был не принцем, – покачал он головой, – а просто хитрым болваном, настоящим мошенником. Заметь, это было бы чудом, если бы евреи не сделали его героем романа. 111) Чем более прогнивший индивидуум, тем лучше.

- Если их уже слишком прижимает, – ответил я, – они просто сочиняют о совершенно здоровых людях, будто те прогнили. Я помню, что в одной еврейской книге о Гёте всюду читал об его унаследованном сифилисе; и в книге о Рихарде Вагнере много об его педерастических наклонностях. Конечно, если бы они оба должны были считаться настоящими евреями, то требовалось бы непрерывно приводить доказательства таких утверждений.

- Интересно, – заметил он, – не попробуют ли они и Лютера превратить в еврея? Вряд ли. Он уж слишком сильно задал им жару. Но то, что кроется в нем, они, естественно, тоже в очень малой степени станут извлекать из него.

- Ты знаешь, что именно? – спросил я.

- Знаю, – кивнул он серьезно. – Самую страшную трагичность. Вину с настолько ужасным воздействием, что сегодня из-за этого может погибнуть вся культура, вину за действия, совершенные им в полном неведении, за неосознанную им причину немецкого крушения. Лютер, могучий противник еврейства, неосознанно сам вымостил ему роковую дорогу. Непостижимо; я говорю тебе, непостижимо. Он прозрел с опозданием всего-то на каких-то паршивых десять или двадцать лет! Только незадолго до своей смерти 112) он понял, кто такой Иуда, когда все уже было решено! А раньше он телом и душой был на стороне предателя! Тогда евреи были для него еще «двоюродными братьями и братьями нашего Господа», а мы, христиане, однако, только «девери и чужаки». Заламывающая руки, он заклинает народ «обходиться очень тонко и аккуратно» с ними. Они для него выше апостолов! Покойный Эрцбергер не смог бы поступать более идиотски.

- Только, – прервал я его, – совсем не так искренне. Если бы Лютер был современником Эрцбергера, ему уже не нужно было узнавать о цели еврейской платы за молчание, чтобы своевременно разглядеть суть еврейства. Он уже студентом полностью включился бы в борьбу против этого дьявольского вывода.

- Боже мой, – он сразу согласился, – его нельзя упрекать, прошедшие с того времени четыреста лет – это большой срок. Но одно нельзя забывать: тогда

народный инстинкт был более бодрствующим, чем сегодня. Повсюду царило недоверие по отношению к евреям. Продолжительное пристрастие Лютера, человека из народа, к евреям как раз отнюдь не говорит в его пользу; даже если учесть некоторую его оторванность от мира из-за пребывания в монастыре. Тут действует то же правило, что и везде: много учения портит зрение.

Все же: Лютер был великим человеком, гигантом. Одним ударом он пронзил сумерки; он увидел еврея так, как мы начинаем видеть его лишь сегодня. Только, к сожалению, слишком поздно, а также еще не там, где он действует вреднее всего: в христианстве, Ах, если бы он увидел его там, увидел еще в молодости! Он атаковал бы не католицизм, а еврея, стоящего за ним! Вместо того чтобы отвергать всю церковь вообще, он направил бы всю свою страстную мощь на истинных «мракобесов», темных людей, стоявших в тени. Вместо того чтобы преобразовать, приукрашивать Ветхий Завет, он заклеил бы его как оружие антихриста. И еврей, еврей предстал бы в своей ужасной наготе, для вечного предупреждения. Он должен был бы уйти из церкви, из общества, из залов князей, из замков рыцарей, из домов горожан. Ведь у Лютера была сила, и мужество, и восхитительная воля. И никогда не дошло бы до раскола, никогда не дошло бы до войны, в которой по еврейскому желанию тридцать лет проливалась арийская кровь.

- И никогда, – подхватил я, – не дошло бы до того современного факта, что представитель установившейся в России кровавой еврейской диктатуры может весьма любезно пожимать руку высокопоставленному католическому епископу! 113)

- Этим уже все сказано, – воскликнул он! – Тот, кто этого уже здесь не видит, тому за всю его жизнь не удастся открыть глаза. Рим должен быть дипломатичным? Не смешите меня! «Говорите только да, да – нет, нет, все остальное от лукавого». Пора сказать, как говорил Григорий VII, как говорили отцы церкви Иоанн Златоуст 114) и Фома Аквинский, как все настоящие христиане высокого уровня говорили! Рим должен «взвешивать», распределять вину правильно? И в конце он совсем не знает, где эта вина лежит высотой с гору? Торговец дешевыми товарами на мюнхенской ярмарке это знает! И еще как знает!

- Точно как еще во времена Лютера, – сказал я. – Тогда еврейская торговля индугенциями, сегодня еврейская политика. Если кто-то с этим борется, то его закидывают упреками, мол, он хочет уйти прочь от Христа, к Вотану, или еще куда-то, черт его знает. Упрямы, которые в сильном отчаянии теряют ориентир, могут схватиться, конечно, и за эту соломинку; но мы возражаем против такой глупости. В Христе, высшем проявлении мужественности, мы находим все, в чем мы нуждаемся; и если мы при случае однажды и говорим о Балдуре,

то всегда при этом в нас звучит и радость, удовлетворение от того, что наши языческие прадеды уже были настолько христианскими, что заранее приняли Христа в этом идеальном образе. И Иуда, Локи, у них тоже уже был. Как его еще называли? Логге. Произнеси это по-французски, получится слово «ложга», и сразу обнаружится масон.

- Гуманист! – ударил он сжатым кулаком по столу. – Человек терпимости, «свободы, равенства, братства»! Крысолов баранов! Еврей как масон, который усердно учит мир тому, как можно строить из камня на открытом воздухе! Нет для него лучшего корма, чем умники, всезнайки, карьеристы. С тех пор, как существуют «логики», они толпами прутся к мастеру «логики». Уже Ульрих фон Гуттен 115) был в их числе. «Я решился на это!» – так чудесно он размахивал этим лозунгом повсюду вокруг.

- Нужно только спросить себя, – прервал я его, смеясь, – на что же он решился. Мне кажется: «быть глупцом на собственный страх и риск», как говорит Гёте. И так он тоже вместо настоящих мракобесов ловил ненастоящих. Почитайте только стихотворение, где он безмерно поздравлял курфюрста Альбрехта 117) с ужасными пытками и сожжением еврейского отступника Пфефферкорна 117); и станет ясно, куда ветер дует. По какой причине Пфефферкорн обнаружил враждебное христианству содержание в отдельных еврейских религиозных писаниях, то ли из личной мстительности, то ли потому, что в нем, что даже вероятнее, еврейская злость переросла в волю к уничтожению вообще, в неограниченный инстинкт разрушения; тут не играет никакой роли. Он на самом деле поразил иудаизм в его самом чувствительном месте; и поэтому гуманист Гуттен на самом деле немедленно ударил его в спину. Само собой разумеется, любящий великолепие курфюрст Альбрехт тоже склонялся к гуманизму, что следует уже из его гуманного обращения с Пфефферкорном. Великий светоч Рейхлин 118) первым позаботился обо всем. Этот «лучший знаток еврейского языка в Германии» при всем своем самом большом желании не смог обнаружить в указанных еврейских религиозных трудах ничего серьезного, что было бы враждебно христианству, и поэтому со спокойной душой так их и оценил. «С тщательной добросовестностью настоящего ученого», как так же спокойно отмечает роскошный том «На заре реформации». 119) Насколько совестливо обстояло дело у гуманистов, эта книга выдает в другом месте, там, где она пишет о своем основном герое, Эразме Роттердамском. 120) Он просил о золоте и подарках везде, где только мог. O, sancta humanitas!

- И это общество, – сердито произнес он, – как движущий элемент стояло за наивным Лютером! Потому что это именно он тогда вышел на бой. Как он, еще будучи молодым человеком, мается со всяческими фантазиями! Страх перед молнией приводит его в монастырь. Хорошо как никто, он там борется за спасе-

ние душ, усердно как никто, часто вызывая у других монахов безобидные насмешки. Потом он прибывает в Рим, и первое подозрение появляется в нем. Роскошь тамошней монастырской жизни, спешное проговаривание месс – лишь бы побыстрее закончить, и прочие признаки секуляризации удивляют его. Дома он снова забывает об этом. Как профессор теологии он в Виттенберге сталкивается с гуманизмом. «Вольнодумствующей» шайке срочно необходима сильная голова. Рейхлин, светоч еврейских исследований, попадает в его круг и направляет его внимание на Павла, он же Савл, он же Шауль. Подмигивая, ему подсовывают «Письма темных людей» против кёльнских доминиканцев, главных врагов евреев. Их бездарный тон – они остроумны только на поверхности – ему не нравится. Но, все же, многое из них он усваивает. Вся сущность монастыря кажется ему вдруг искаженной, еврей превращается в невинного ангела.

- В точности, – вставил я, – как с «Перепиской депутата баварского ландтага Фильзера» Людвиг Тома 121). Гуттен номер два. Опус толщиной с кулак, сплошная глупость, но еврею это понравилось, так как он был написан против священников, да и крестьянам в нем тоже досталось. Кошерная пресса прямо исписалась от восторга, и потому книга понравилась даже тем, кто после некоторого размышления должен был бы рассердиться на нее от такого позора. Священник и крестьянин в ней изображены как верх неуклюжей хитрости; но тот, в котором и было все дело, еврей, снова уходил с пустыми руками. Как всегда у Тома. То, что он незадолго до смерти анонимно снабжал газету «Мизбахер Анцайгер» антисемитскими статьями, на это мне наплевать. Это не по-немецки. Его наследницей стала некая еврейская мадам. Все, портрет закончен.

- Кто так разбирается в жизни, – ответил он, – как было в случае Тома, должен видеть еврея, или же он – дурак. У его приверженцев есть выбор. Также и Гуттен, как и вообще гуманисты, были светскими людьми. Лютер нет. Лютер долго видел еврея в зеркале милости. «Божий народ!» И всё! Гуманисты сделали свою работу. Какая низость со стороны монахов клеветать на священные писания Израиля! С продажей индульгенций почва была подготовлена. Камень покатился вниз с горы. Явно вопреки воле Лютера. «Многие друзья и незнакомые», как писал он сам, «в жестоких спорах» настаивали, чтобы он перешел к действиям. Кто только там вокруг него не корчил из себя важную персону! В еврейской тени! Также и за римскими посредниками виднелась эта темная фигура. Все попытки компромисса потерпели неудачу. Начался скандал с большим шумом.

- И Германия платила за все это, – сказал я. – Протестант Гёте чувствовал это. Он пренебрежительно писал:

«Французы в эти смутные дни, как когда-то это сделало лютеранство, оттесняют спокойное образование назад».

Также и народ реформации при всем его уважении к смелому борцу с приукрашенным по-христиански еврейским обманом чувствовал, откуда ноги растут. Среди гуманистов не одного только Рейхлина обвиняли в коррумпированности евреями; и слава Гуттена тоже беспрерывно катилась под горку. В конце концов, даже брат по ложе Эразм дал ему пинок; но не потому, что он видел угрозу «спокойному образованию» из-за причиненного вреда, а потому, что среди тех, кто умеет строить из камня на открытом воздухе, нередок обычай незаметно скрыться под защитой смрада, когда становится горячо.

- Слова Гёте о лютеранстве, – подумал он, – не совсем точны. Лучше было бы сказать: псевдолютеранство. Само лютеранство начало развиваться только гораздо позже, за несколько лет до смерти этого истинного немца, когда он разгадал евреев. Вместо того чтобы оттеснить спокойное образование, оно, наоборот, открыло ему свободный путь. Между тем, однако, псевдолютеранство всплыло на поверхность, да так и осталось там до сегодняшнего дня. Вы должны узнавать его по его плодам. Пуритане, анабаптисты, Серьезные исследователи Библии, это самые яркие. 122) В каждом сидит еврейский червь. Еще раз: псевдолютеранство! То, что его собственная родина Саксония сегодня так неудержимо склоняется к еврейской советской звезде, не является случайностью.

Я быстро раскрыл перед ним труд «На заре реформации», книгу, целью которой наверняка было прославить протестантство, и указал на заключительные строки главы «Доктор Мартин Лютер». Они звучат так:

«Период продолжительностью почти в четыре столетия просто не мог пройти бесследно, современность не может так просто продолжать опираться на Лютера, она стала открытой для всего мира, более радующейся культуре, более универсальной и т.д.».

Пренебрежительно он отодвинул дорогую иллюстрированную книгу в сторону. – Нет, – сказал он, – эти люди не могут ни так просто, ни вообще продолжать опираться на Лютера. Мир так открыт для них, так рад культуре, стал настолько универсален, что наивная немецкая самобытность, германский дух только мешает им. Своими письмами против евреев Лютер основательно устроил им расстройство желудка. Как вывеска он им, в крайнем случае, еще сгодится, но в остальном – прощай, Гризельда! Пастор Вальфиш проглотил брата Мартина, и пастор Швальб прощещет благословение для этого.

## Глава VII

- Итак, он есть во всех лагерях, – кивнул я, – более или менее скрыто, более или менее сильно, Мефистофель. Также и вокруг Цвингли 123) крутился как его «лучший друг» некий Лео Юд. Возможно, что здесь имя вводит в заблуждение; ход движения делает ему честь. Еще сегодня свободная Швейцария не замечает, насколько она несвободна. Благородный Лойола 124) обращается против духа, который он считает лютеранством, и мгновенно польский еврей Поланко одурачивает его, и у евреев уже поводья в руке. Теология морали иезуитов выглядит дьявольски похожей на моральное учение Талмуда. Большая часть иезуитов доверчиво враждует с протестантством и с масонством, а большая часть протестантов и масонов – с иезуитами. И там, и тут кукловоды смеются; потому что и там и тут они одного и того же вида и образа мыслей. Они дают сигнал к атаке и снова сигнал «отбой», как это их устраивает. То, что еврейство при этом и пальцем не трогают, это само собой разумеется. Та же самая картина у социалистов большинства, у Независимых, коммунистов, синдикалистов, большевиков. То же и у наций. Ясный вид, нужно сказать.

- Я вооружу Египтян против Египтян; и будут сражаться брат против брата и друг против друга, – прошипел он. – Что за ненависть, что за демоническая ненависть! Человеческая ли она вообще? Или что это?

- Это, мой дорогой, – усмехнулся я, – «гениальность сердца», о которой еврей Фриц Кан говорит, что благодаря ей «Израиль стал этической матерью человечества». Эти ребята действительно забавны в своем нахальстве. Моисей для него в истории культурных народов это «почти неповторимое явление: национальный герой без оружия»; в то время как вокруг «бронзовых героев наших рыночных площадей», то есть, вокруг памятников нашему принцу Евгению, фельдмаршалу Блюхеру, «в грозные ночи слышен жалостливый плач вдов». Но чем же тогда, собственно, Моисей приказал убивать египетских первенцев? Медовыми лепешками? Или они, в конце концов, задохнулись от слишком сильной любви? «Чернь», похоже, состояла из одних лишь санитаров. Но вот так эти ребята поступают всегда. Они вовсе не ограничиваются одним отрицанием, они сразу и решительно утверждают прямо противоположное. «Национальности», кричит Кремьё 125), должны исчезнуть! Религии должна уйти в прошлое! Израиль никогда не прекратится, религии Израиля нельзя вредить, так как она охватывает Божественное единство. Да, прямо так, Божественное единство, и ничего тут не поделаешь. Ну, тогда теперь больше не остается ничего другого, кроме как: если дела обстоят таким образом, то как раз все остальные национальности и религии должны исчезать, чего бы это ни стоило. Самый настоящий сумасшедший дом, скажу я тебе. Но в этом безумии есть свой метод. Невинных

оно легко одурачивает. Наши рабочие могли бы спеть прекрасную песню об этом.

- Еще более красивую песенку могли бы спеть наши ученые, – прорычал он. – Что бы там еврей ни говорил, для них это как Евангелие. Проверять – исключено. Если только это напечатано. Какая-то там Ребекка (26) называет Талмуд «грандиозным монументальным произведением духа», «огромным памятником мыслей, которому тысячелетия подарили дыхание своего опыта»; немецкий профессор сразу же потрясен – вытягивает записную книжку! – и на следующий же день его студенты проглотили этот «нонненпфюрцхен» (27) и переварили. Вот это и исходит из наших гимназий. Они все и приспособлены как будто бы, чтобы обучать настоящих гениев; вместо этого из них выходит один лакей за другим.

- Я потратил несколько часов на чтение Талмуда (28), – продолжил я, – и у меня больше нет сомнений насчет евреев. То, что евреи расхваливают эту книгу до небес, понятно. Когда они заглядывают в него, на них оттуда глядит их собственная сущность. И это, само собой разумеется, доставляет им очень большую радость. Так получается, что каждый еврей – талмудист, даже если он вообще не знает Талмуд. Когда он был написан, не играет никакой роли. Он вообще мог бы и не быть написан; он все равно существовал бы уже с первым евреем. Еврейские вожди знают это с уверенностью. Только они говорят это всегда только иносказательно. «Талмуд: непререкаемый авторитет», – хвастается раввин доктор Гронеманн в 1894 году в Ганновере перед судом! «Правовые учения Талмуда являются ведущими», выкрикнул профессор Коэн в 1888 году в Марбурге в уголовном суде. И он добавил – пожалуйста, обратите внимание! – к этому, что есть также и неверующие евреи, которые, несмотря на это, однако, не выбыли из еврейской общности, «так как они признают этику Талмуда». Вот так фокус! Они вовсе не могут иначе! Все же, время от времени хитрецы всегда пробалтываются; только мы не замечаем этого. «Что касается Талмуда, то мы признаем его безусловное преимущество перед всем законом Моисея», провозгласили так называемые еврей-реформисты в 1860 году в Париже с согласия Alliance Israelite. А о «Шулхан Арух», чем-то вроде Талмуда для домашнего употребления, раввин доктор Рамер в энциклопедическом словаре Пирера пишет, что он был принят «иудейскими общинами как авторитетное руководство для религиозной практики». Принят? Вот так шутник! В скором времени я приму черты лица Дитриха Эккарта.

- Боже мой, – сказал он, – у кого не пробежит мороз по коже и не возникнет тошнота после близкого знакомства с Талмудом, того стоит показывать в паноптикуме.

- Этот институт, – я позволил себе заметить, – не выходит за грани определенной меры ненормальности. До сих пор молодой студент из Тюбингена, который с аппетитом мог проглотить полудюжину жаб, был его самым большим аттракционом. Но даже желудок страуса не смог бы переварить только одно такое вот чудное предложение: «Рабби Йоханан говорит: член зачатия рабби Исмаэля был так же велик как винный бурдюк объемом шесть кабов (кааб – древнееврейская мера объема, в основном, вина, немногим более 2 литров). Рабби Папа говорит: член зачатия рабби Йоханана был так же велик, как бурдюк в пять кабов, но по словам других, только как три каба. Член зачатия рабби Папы был так же велик, как корзинки жителей Гарпаниии». 129). От такого благородного соревнования трех старых раввинов любой человек может неожиданно свалиться со стула.

- Таких прелестей, – скривился он с отвращением, – можно еще немало найти в этом роскошном экземпляре религиозной книги. Но апогей всего, это то, что раввинам уже разрешены половые связи с нееврейскими девочками, «младше, чем три года и один день», так как в Ветхом Завете написано: «И всех детей женского пола, которые не познали мужа, оставляйте в живых для вас», то есть, именно для священников. 130)

Самое безумное извращение и самое ужасное словоблудие одновременно. В еврейских головах это должно выглядеть страшным.

- Как кажется, – ответил я, – они придерживаются противоположного мнения, иначе их отражение, Талмуд, не возвещало бы нам: «израильтяне для Бога желаннее, чем ангелы» или «мир был создан только ради израильтян», или «кто дает пощечину еврею, тот бьет самого Бога» или «солнце освещает землю, дождь оплодотворяет ее только потому, что на ней живут израильтяне» и дальше в духе той же скромности. 131) Также раввин Голдман несколько лет назад сказал в одной речи (32): «Евреи – это духовные аристократы, народ королей». Я должен согласиться: та кучка королей, которую я видел недавно, как она торговалась в грязи на свином рынке в Штраубинге, в грязи, жестикулируя руками и ногами, отнюдь не произвела на меня впечатления настоящих князей. Даже в моем любимце, адвокате докторе Левингере, я до сих пор тоже не смог обнаружить ничего специфически королевского; впрочем, могло случиться, что это совсем ускользнуло от меня в пылу борьбы на всех моих процессах с ним. У Ауэра (33) есть что-то такое, даже сильно, вообще уже во внешнем виде; но он не еврей, а обезьяна, как называет Талмуд всех неевреев в отличие от людей, т.е. израильтян. 134). Но его тесное сближение с евреями позволяет сделать вывод о том, что для него такое его место в еврейской табели о рангах не имеет значения. Ну что ж, каждому по его вкусу.



- Для еврейской мании величия, – добавил он, – я думаю, даже в медицинском словаре есть исчерпывающее определение. Но как они могут скрывать ее, насколько чудесен этот дар перевоплощения! Все же, иногда, конечно, она пробивается наружу. «А что же вы думаете?» – слышал я недавно, как до глупины души оскорбленная маленькая девочка-еврейка в ответ на вопрос, протестантка она или католичка, ответила «Я еврейка!». Рядом ее отец тем временем делал одну копченую селедку за другой. Да, выгода! Если это приносит выгоду, то еврейский король станет хоть глистом.

- Кто это знает, – ответил я, – тот чувствовал бы обиду всякий раз, когда он видит такого вонючего еврея как по-приятельски сидящего рядом с нашими рабочими. Он обращается к ним «Товарищ!» и «Дорогой друг!» и, возможно, даже на «ты», а в его душе самое безграничное презрение. И добрые люди воображают себе, что они для него что-то стоят. Как тут не отчаяться.

- Пока у них, – сказал он, – в их собственных рядах руководителями являются еврейские сутенеры, они так же мало могут распознать еврейские намерения, как и остальные слои, со всеми которыми без исключения дело обстоит тоже точно так. Некоторое время не говорилось ни о чем другом, кроме как об интеллекте рабочих. Теперь об этом как-то странно замолчали. Мавр как раз неплохо сделал свое дело. Хорошенький интеллект, который не может видеть ничего за пределами партийных шор. Но цели достигнуты: рабочий стал воображать, будто он образованный, и то, что ему внушили, воспринимал уже как свою собственную мудрость. За таким интеллектом был уничтожен его здравый смысл. Если я какому-то упертому марксисту стану растолковывать: вот, смотри, тут французский социалист Фурье 135); о котором писал твой великий Август Бебель; он называл его «гениально предрасположенной натурой с самым теплым сердцем для человечества»; но он пропустил то место, где Фурье хочет найти способ усмирить евреев, которых он называет «всех без исключения паразитами, торговцами, ростовщиками и т.д.» – если я ему это скажу, то что он сделает? Все, что угодно, но только не то, что сразу сделал бы любой хоть наполовину ясный ум: удивился бы, пригляделся бы к Бебелю попристальнее, задумался бы, почему вдруг этот пылкий почитатель Фурье утратил дар речи как раз там, где речь зашла против евреев. Возможно, что он не сделал бы правильный вывод; но, все же, он, по крайней мере, хоть однажды задумался бы самостоятельно вместо того, чтобы вечно только повторять за другими; его закупоренный мозговой аппарат, наконец, снова пришел бы в движение, и появилась бы надежда на все более быстрый темп и все лучшие результаты.

- Просвещение, – подчеркнул я, – неутомимое просвещение, никакого другого средства нет. Я могу понять чувства рабочих, что они досыта наелись урапатриотизмом реакционеров, лучше сказать: акционеров; но, как мне кажется,

они еще гораздо меньше хотят попасть из огня в полымя. Чтобы избежать этого, им уже пора решиться открыть глаза несколько пошире. «Все колеса остановятся, если твоя сильная рука этого захочет», хвастаются они, и не в состоянии после четырех лет революции остановить даже одного единственного ростовщика. Пора им уже заметить, как над ними издеваются. Стихотворение Гейне «Ткачи» стало для них проникшей в их душу льстивой песней. «Германия, мы ткем твой могильный саван». То, что именно этот жидёнок хотел этим сказать, они не понимают. Убейте Германию и закопайте себя вместе с ней! Или, в конце концов, нет? «Я вымыл бы руку, если бы этот суверенный народ удостоил меня своим рукопожатием», плюнул на рабочее движение этот «аристократ духа» к концу своей жизни. 136) В марксистском издании Гейне бесчисленные места кажутся заклеенными. Партийная дисциплина.

- Он вымыл бы руку, пачкун! – засмеялся он. – И вот тут ты снова видишь все это еврейское высокомерие. Они же не умеют ничего, совсем ничего, кроме как с самым плаксивым выражением лица распылять над миром один яд за другим, и при этом с такой беспредельной надменностью. Правильно: это лежит в сущности евреев, не в Талмуде. Он существует только для того, чтобы они не теряли форму.

- Да они же сами это пишут, – подтвердил я, – кругом. «Талмуд характеризует еврейскую психику так же остро, как и удачно», было написано в одной из первых еврейских газет. 137) По-видимому, они думают: отец не увидит этого. Да и кто читает этот Талмуд. Наши государственные деятели заняты тем, чтобы справиться с Куртс-Малер. 138)

- В принципе, – размышлял он, – Талмуд – это ничего больше, как обширная интерпретация ветхозаветной еврейской морали, и хотя бы поэтому он соответствовал свойственному от природы еврейскому характеру. Если, например, псалом 139) позволяет Иегове говорить своим евреям: «Вы – боги», то Талмуд только делает из этого следствие, когда утверждает, что кто ударит израильтянина, тот ударит самого Бога. И если в Ветхом Завете нееврейские рабы и рабыни каждый раз перечисляются вслед за овцами, ослами и верблюдами, то Талмуд указывает только причину для этой злобной иерархии, объявляя всех неевреев обезьянами и свиньями. 140)

- Книга Талмуда «Сирах», – добавил я, – просто вопит: «Наведи ужас на все народы, подними руку твою на чужеземцев, чтобы они видели твою силу! Гнев огня должен сжечь их. Разбивайте головы князей, которые враждебны нам!». И «Шулхан Арух» неистовствует: «Излей, о, Господи, ярость твою на гоев, которые не знают тебя, и на царства, которые не взывают к имени Твоему! Преследуй их во гневе и искорени их под небом Божьим!» Оба пассажа 141) содержат

одну и ту же угрозу, только с тем различием, что «Шулхан Арух» последовательно подчеркивает, что все те, которые клянутся именем Иеговы, должны быть искоренены.

- И с таким отвратительным этическим учением на своей совести, – вспыхнул он, – чудо современного еврейства Моисей Мендельсон 142) осмеливается утверждать, что «еврейству надлежит господство над миром». Из-за его религии! Как ученый талмудист он знал всю неистощимую низость еврейских методов – то, что мы здесь привели, это ведь только маленькая их доля – и, несмотря на это... да, тоже, этот лживый, этот изолгавшийся сброд, чистый экстракт лжи!

- И весь Берлин, – сказал я, – тогда как по команде принялся восторгаться этим «мудрым» и «благородным» Моисеем. Но Гёте не удалось провести, он назвал эту благочестивую ловушку для простаков «еврейским враньем»! 143) Он знал, для чего все это было. «О, ты, бедный христианин! Только подожди, пока он полностью накрепко свяжет твои крылышки». И никому не бросилось в глаза, что несравненный Моисей в один миг перефилософствовался из простого домашнего учителя в богатейшего основателя банковского дома Мендельсонов, то есть, далеко обошел пресловутое игольное ушко. Хитрый трюк – представлять еврейский народ просто как религиозную общину, был любимым коньком и этого благодетеля. Евреи и сейчас любят так разглагольствовать. Почему, это раскрывает нам доктор Артур Руппин. 144) Чрезвычайные законы против евреев, потирает он руки, хихикая, всегда могли быть направлены только против членов иудейской религиозной общины, так как эта принадлежность – это единственный признак, поддающийся учету для законодательства. Но антисемитизм вовсе не враждебен иудейской религии, он скорее совсем безразличен к ней. Ах, так! «Пой, соловушка, пой!» Прошли времена, когда еврейская религия была для нас безразлична. Теперь она нас даже очень интересует. Повсюду мы следуем за нею и уже при первом знакомстве с ней мы узнали, что то, что евреи называют своей религией, точь-в-точь совпадает с их характером.

- Так, ну а кто же ее породил? – подхватил он. – Евреи. Мог ли бы это сделать какой-то другой народ? Не смешите меня. Они же сами беспрерывно говорят, что они с этим своим замечательным достижением являются единственными в мире. Значит, дело в Талмуде! В нем мы видим всю еврейскую религию в чистой форме: учение о Боге, догматику, мораль, все. Почему же они так боязливо прячут у себя за спиной эту великолепную книгу, если действительно ей «тысячелетия подарили дыхание своего опыта»? Как прирожденные благодетели человечества они давно должны были бы открыть доступ общественности к Талмуду. Вместо этого он даже сегодня еще не переведен полностью; и то, что переведено, черт побери, производит впечатление, что средневековая церковь отнюдь не напрасно его сжигала. Религия ли это? Это валяние в грязи, эта

ненависть, эта злость, это высокомерие, это ханжество, это пустозвонство, это подстрекательство к обману и убийству – религия? Тогда никогда еще не было более религиозного существа, чем дьявол. Это еврейская суть, еврейский характер; и всё, точка! Все же, стоит разок попробовать это и показать эту штуку приличному человеку, что он скажет на это? Нет, тот, кто проглатывает что-то в этом роде как лакомый кусочек, тот чудовище по своей натуре.

- Лютер, – вставил я, – просто требовал сжигать синагоги и еврейские школы, и засыпать пепелища землей, «чтобы никто никогда не мог бы увидеть на этом месте камня на камне». То, что мы до сих пор терпели из незнания – я даже и сам этого не знал, он пишет – Бог простил бы нам; но теперь мы знаем это, поэтому ни за что на свете мы не должны больше защищать эти места, где они «Христа и нас обманывают, злословят, проклинаят, оплевывают и позорят»; это было бы точно так же, как если бы мы сами делали это. Мы должны разрушить (145) также их жилища, так как там они делают то же самое, что и в своих школах. «Пусть кто-то думает», жалуется он, (146), «что я говорю слишком много. Я говорю не слишком много, а слишком мало, так как я вижу их писания». Наши школьные инспектора не видят их, и наши умники, и наши ученые, и наши младенцы тем более их не видят.

- Это сожжение, – отмахнулся он безнадежно, – чертовски мало нам бы помогло. Это ведь так: даже если бы не было ни одной синагоги, ни одной еврейской школы, никакого Ветхого Завета и никакого Талмуда, все же, еврейский дух существовал бы и оказывал бы свое воздействие. Он существует с самого начала; и нет ни одного еврея, ни одного, который не воплощал бы его. Наиболее отчетливо это видно по так называемым просвещенным евреям. Гейне определенно принадлежит к числу самых просвещенных, но у него точно то же безумное высокомерие, что и у самого грязного еврейского торгаша из Галиции. Он вымыл бы руку, если бы ему ее пожал его соотечественник нееврейской крови! Моисей Мендельсон считается истинным чудом мудрости. И посмотри: он находит это прямо-таки возмутительным, что евреи еще не обладают принадлежащим им по праву господством над всем земным шаром!

- Ужасающее самомнение еврейских прихлебателей из России, – подчеркнул я, – изображает нам Достоевский, исходя из своего продолжительного опыта. (147) Он долго жил вместе с разного рода уголовниками, спал с ними на одних нарах. Среди этих заключенных было и несколько евреев. Все относились к ним дружелюбно. Даже их дикую манеру молиться никто не считал неприличной. Такая уж у них религия, считали русские, и спокойно предоставляли их самим себе, «почти одобряли». И эти же евреи относились к этим же русским отчужденно, не хотели вместе с ними есть, и смотрели на них как бы снисходительно! И где это было? В сибирской тюрьме? Это отвращение и презрение евреев к местным

Достоевский находил во всей России. Но маленькие люди нигде не обижались на них за это. Еврей делает это, потому что такая уж у него вера, говорилось повсюду с полным снисхождением.

- Да, такая уж вера! – засмеялся он. – Такая дурь в голове, правильно. Такое бессердечное сердце! «Глубоко испорченным и бездушным» называет его даже добрый Вильгельм Буш. 148) Сначала внутренняя сущность, потом религия; а не наоборот!

- Достоевский, – я продолжал, – был само сочувствие, особенно по отношению к сбившимся с пути; он исключал только евреев, как и Христос. Пророчески он спрашивает: «ну что, если бы то не евреев было в России три миллиона, а русских; а евреев было бы восемьдесят миллионов – ну, во что обратились бы у них русские и как бы они их третировали? Дали бы они сравняться с собой в правах? Дали бы им молиться среди них свободно? Не обратили бы прямо в рабов? Хуже того: не содрали ли бы кожу совсем? Не избили бы дотла, до окончательного истребления, как дельвали они с чужими народностями в старину, в древнюю свою историю?»

- Русская пустыня, – воскликнул он, – стоит на пророческой географической карте 149), которую евреи издали уже двадцать пять лет назад! На ней все, как у нас теперь: французы на Рейне; польская и чешская республики; Германская империя, не как «Германская республика», а как «германские республики»: даже финская республика есть на ней; а на месте России коричневое пятно с надписью: «русская пустыня!» Боже, и еще кто-то спрашивает, кто был виновен в войне! Ты знаешь: я видел оригинал этой карты, собственными глазами. Если бы я только мог показать ее нашим рабочим, всем и каждому, в особенности тем, которые ожидают спасения от Советов! «Русская пустыня!» Вот так он и выглядит, обещанный рай! Голод, братские могилы, рабство, еврейский кнут. Тот, кто бастует, того вешают. Приходите к нам все, усталые, униженные и оскорбленные! Как они там соловьем заливаются, эти собаки! И как прекрасно это звучит, перед занавесом! За ним, однако, скрывается в засаде обласканная «чернь», красная армия, отбросы нееврейского человечества.

- Покушение на Ленина, – вставил я, – стоило жизни больше чем двенадцати тысячам человек. В их числе были более восьмисот рабочих. На съезде партии Независимых в Галле в 1920 году русский меньшевик Мартов сам это признал. Общее число русских жертв с начала господства большевиков оценивается знаками примерно в тридцать миллионов человек. То, что не пало жертвой расстрелов на месте, погибло от истощения и болезней. Были ли все это буржуа? Глупо было бы думать что-то в этом роде. Кто все же должен страдать у нас больше всего? Среди тысяч, которые каждый день часами стоят в очередях у

магазинов, пожалуй, едва ли найдется много капиталистов, Что еврей еще никогда не был среди них, это само собой разумеется. Но это же не бросается в глаза нашим рабочим. Если внушить им, что они хозяева положения, их можно водить за нос как детей. Эберт всю свою жизнь громко выступал против капитализма. Теперь он – рейхспрезидент Германии. И? На всех углах банки растут как грибы после дождя. Ведь это же факт. Каждый видит это; каждый может пощупать это руками. Но если бы хоть кто-то что-то заподозрил – ничего подобного. Первое, что сделал еврей Эйснер после переворота, он приказал военным защищать банки. Тогда гигантское имущество месяцами вывозилось за границу; а он и пальцем не пошевелил. Для него более важно было отправиться в Швейцарию и там на Социалистическом конгрессе «признать», что в мировой войне виновата была одна только Германия. Покайтесь, и французы, прощая, прижмут вас к своей груди. Приблизительно так. Опыт это очень славно подтвердил.

- Тот самый Эйснер, – кивнул он, – в начале войны в потоке телеграмм заклинал авторитетных руководителей социал-демократии хранить верность императору. Позорное нападение нужно было отразить любой ценой. Так продолжалось до Брестского мира. Все немецкие евреи были до тех пор восторженными монархистами, Но потом наступил поворот. Мавр сделал свое дело и сокрушил царскую Россию. Теперь нужно было подавить его самого. О подготовке уже позаботились заранее, с помощью ослабляющей бесхозяйственности еврейских военных концернов. Оставшееся – молчание. По всему видно, что еврей управляет также и в Германии. О, рабочие! Позволить так себя надуть! Ведь дела обстоят совсем не так, как может грезить неученый ум. У Коммунистической партии в Германии нет еще и 250 000 членов. Но у нее, однако, есть аж пятьдесят газет. Каких денег все это стоит, даже нельзя подсчитать. Миллиарды и миллиарды. И кто платит эти огромные суммы? Нам, национал-социалистам, едва хватает сил, чтобы поддержать на плаву один только наш «Фёлькишер Беобахтер».

Если бы мы поддерживались евреями, то у нас за самый короткий срок была бы целая куча партийных газет. Есть ли товарищи, которые сомневаются в этом? Я хотел бы познакомиться хоть с одним таким. И взгляни-ка, это же невероятно: они знают, что за всем стоит еврей, но поступают так, как будто его вообще нет. Честно ли это? Заслуживает ли это счастливого конца? Мчаться к гибели, не ведая этого, это еще как-то может быть; но делать это осознанно, выбрать себе для этого самого жестокого врага – тут хоть волком вой.

- Я хотел бы знать, – вставил я, – что сказали бы товарищи, если бы им наглядно доказали, что помещики или крупные промышленники с давних времен владеют тайными моральными учениями самого отвратительного вида. Их ярость невозможно было бы себе даже представить. Вот теперь мы знаем! – шумели бы

все; с такими принципами эти собаки до смерти должны были терзать нас! Вообще это уже сам по себе низкий характер, который способен был выдумать что-то в этом роде! Всю их породу следовало бы перебить с самого начала! Так они кричали бы как одержимые, и кричали бы справедливо. Но если показать им, что содержится у евреев в их религиозном законе, вовсе не в частном употреблении, самые ужасные указания для ограбления и удушения всех неевреев, то на них это никак не подействует. Либо они оспаривают это, либо, если так уже не получается, они говорят, что большинство евреев уже давно не так религиозны, и их вообще все это никак не интересует. Им не дано понять, что как раз характер еврея и является причиной этих гнусных писаний; для них еврей был и остается человеком чести. Их даже не беспокоит, что еще никто из их еврейских руководителей никогда и словечком не упомянул о предательских намерениях еврейства.

- Вот теперь-то и наступает самое прекрасное, – сказал он. – Все, абсолютно все заметные социальные несправедливости, которые есть на свете, исходят от скрытого влияния еврея. Рабочие, стало быть, стремятся с помощью еврея устранить то, что целенаправленно ввел не кто иной, как еврей. Можно только представить, как быстро поспешит он им на выручку.

- Посмотри на целомудренного Иосифа! – ответил я. – Его влияние на фараона принесло египтянам самое страшное бедствие, от которого они потом думали освободиться с помощью Моисея. Я должен признать: жизнь не лишена некоторого черного юмора.

## **Глава VIII**

- Это именно так, – заметил он, – как ты однажды писал: еврея можно понять только тогда, если знаешь, какова его конечная цель. Через мировое господство – уничтожение мира. Он верит, что должен покорить все человечество, чтобы, как он внушает себе, принести ему рай на Земле. Только он в состоянии сделать это, убеждает он самого себя, и это определенно так и получится. Но уже по средствам, которые он применяет, видно, что втайне его влечет к чему-то совсем другому. В то время как он делает вид, что возвышает человечество, на самом деле он несет ему отчаяние, безумие, гибель. Если его не остановить, он уничтожит человечество. Он настроен на это, к этому его тянет; хотя он и догадывается смутно, что вследствие этого уничтожит вместе с другими людьми и самого себя. Но он не может от этого уйти, он должен сделать это. Это чувство безусловной зависимости его существования от существования его жертвы, как мне кажется, является главной причиной его ненависти. Быть обязанным из всех своих сил уничтожить кого-то, и одновременно предчувствовать, что это

уничтожение безнадежно приведет к своей собственной гибели, вот в чем причина. Если хочешь: это трагедия Люцифера.

На этом месте записи Дитриха Эккарта обрываются. Смерть этого чисто немецкого поэта и борца после его ареста как подозреваемого в связи с событиями 8/9 ноября 1923 года и непосредственно после его освобождения из тюрьмы не позволила ему завершить свое очень важное, ярко свидетельствующее в пользу христианской настроенности национального движения произведение. Все же, мы можем надеяться, что Адольф Гитлер после окончания судебного процесса против него по обвинению в государственной измене окажет любезность и возьмет на себя труд окончить это непосредственно приблизившееся к своему завершению произведение.

Мюнхен, 1 марта 1924 года  
Издательство Хоенайхен-Ферлаг

#### Примечания:

1. Страбон, римский летописец, в 20 г. н.э.
2. Цицерон, известный римский государственный деятель, защищал в 59 г. до н.э. проконсула Флакка, на которого жаловались евреи за его административную деятельность в Сирии.
3. Евангелие от Иоанна 19, 12.
4. Исаия 19, 2 и 3.
5. Немецкий рейхсканцлер.
6. Баварский министр внутренних дел.
7. Учредитель и руководитель Баварской народной партии (правящая партия).
8. Исход 12, 7 и 13.
9. Исход 12, 29 и 30.
10. Исход 12, 38.
11. Исход 12, 35 и 36.
12. Псалом 105,38.
13. Генрих Грец (Бреслау): «История евреев».
14. Бытие 41,43.
15. Бытие 47, 14 с 20. 16. Бытие 46.
17. Бытие 45,18 и 20.



18. Исход 1, 9 и дальше.
19. Книга Иисуса Навина 6, 25.
20. Фридрих Делитч: «Большой обман».
21. Исаия 34.
22. Бытие 26, 3; Левит 34, 12; Второзаконие 7,16.
23. Отто Хаузер: «История иудаизма», страница 251.
24. Хаузер отличает «светлого», «белокурого», «высоко-породистого» человека от «темного», «черного», «низко-породистого». Как только ему кажется, что он обнаружил где-нибудь «белокурого» еврея, он сразу же принимается превозносить его до небес. С самыми большими мошенниками я сталкивался именно среди «белокурых» евреев.
25. Вернер Зомбарт: «Евреи и хозяйственная жизнь народов», страница 356.
26. Отто Хаузер: «История иудаизма», страница 376.
27. Артур Шопенгауэр (один из самых великих немецких мыслителей, умер в 1860 году) в «Parerga et Paralipomena» II., параграф 174, сноски.
28. Цицерон в речи в защиту Флакка.
29. Иосиф Флавий, летописец евреев в римские времена.
30. Генри Форд, известный американский автомобильный промышленник (Диэрборн), в его исключительно важном труде «Международное еврейство», том 2, страница 146.
31. Людвиг Бёрне, настоящая фамилия, Барух: «Письма из Парижа», I., страница 12. Генрих Гейне, настоящая фамилия, Хаим Бюккебург: «Германия. Зимняя сказка».
32. Альберт Эйнштейн в письме Центральному союзу немецких граждан иудейского вероисповедания.
33. Доктор Артур Брюнн в журнале Центрального союза «В Германской империи», 1913 год, № 8.
34. Вальтер Ратенау «Берлинские культурные центры», 19 13.
35. Немецкий еврей К. Э. Францос в «Halbasien» («Полуазия»), 1879.
36. «Jewish Chronicle» («Еврейская Хроника») от 10 декабря 1911 года.
37. «Искусство книгопечатания – это избранный инструмент антихриста, больше чем порох», так Бисмарк пишет в 1859 году. Ср. доктор Ганс Блум: «Князь Бисмарк и его время», 1-й том. Страница 265.
38. М.Дж.Водесловски в «Jewish World» («Еврейский мир») от 1 января 1909 года.
39. Джозеф (Иосиф) Коэн, там же, 4 ноября 1913 года.
40. «Jewish Chronicle», 10 декабря 1911 года
41. Вернер Зомбарт, «Евреи и хозяйственная жизнь народов», страницы 32 и 33.
42. Там же, страница 39.

43. Форд «Международное еврейство», т. II, глава: «Американский Дизраэли».
44. Из более позднего сообщения «American Jewish News» («Американские еврейские новости») от 19 сентября 1919. Теодор Герцль, основатель так называемого «сионизма».
45. Карл Бляйбтрой «Представители столетия», 1904, страница 271.
46. Фридрих Делитч: «Большой обман».
47. Хаузер: «История иудаизма», страницы 484 и 491.
48. Мартин Лютер: «О евреях и их лжи».
49. Евангелие от Иоанна 8, 44.
50. Зомбарт: «Евреи и хозяйственная жизнь народов», страница 371.
51. Евангелие от Матфея 23, 15.
52. Евангелие от Матфея 19, 1.
53. Евангелие от Матфея 4, 15 и 16.
54. Евангелие от Иоанна 1, 46; 7, 52.
55. Евангелие от Иоанна 8, 48.
56. Евангелие от Иоанна 7, 49.
57. Евангелие от Матфея 2, 16. 58. Исход 12.
59. Книга Судей 11.
60. Вольтер в «Dictionnaire philosophique» («Философский словарь»), страница 223.
61. Хаузер: «История иудаизма», страница 336.
62. Лютер: «О евреях и их лжи».
63. В середине 1880-х годов Леопольд Хюльснер в Польне (Австрия) ритуально убил юную христианскую девочку.
64. В 1840 евреи в Дамаске ритуально убили отца Томаса, а несколько часов спустя и его служителя, который искал его. Преступление было подробно отображено на основе судебных материалов в книге «Еврей, иудаизм и ожидание христианских народов» француза Гугено де Муссо, Париж 1869.
65. Адольф Кремьё, основатель еврейского всемирного союза «Alliance Israelite», некоторое время французский министр.
66. По словам Хаузера «История иудаизма», страница 432.
67. 1864. По словам Муссо.
68. По словам Хаузера «История иудаизма», страница 432.
69. Зомбарт: «Евреи и хозяйственная жизнь народов» страница 50.
70. Там же, страница 58.

71. В 1812 году через влезшего в долги, да еще и с еврейской любовницей, государственного канцлера Харденберга (Гарденберга).
72. Евангелие от Иоанна 4, 22; 8, 47; 8, 40.
73. Евангелие от Матфея
74. Евангелие от Марка. 2. 23 и 24; 2. 26; Евангелие от Матфея 15, 10 и дальше.
75. Альба у Гёте в «Эгмонте».
76. Лютер: «Vom Schem Hamphoras» («О непостижимом имени и роде Христа»).
77. Талмуд и Зохар.
78. Согласно «Фёлькишер Беобахтер» от 2 августа 1923.
79. Кант: «Антропология», 1798.
80. Гёте: «Годы странствий Вильгельма Мейстера».
81. Гёте: «Ярмарка в Плундерсвейле».
82. Гёте, там же.
83. Гёте: «Праздники дня и года».
84. Фома Аквинский (1224-1274) в «Questiones» («Вопросы»).
85. Бенджамин Дизраэли, в середине прошлого столетия, как лорд Биконсфилд премьер-министр Великобритании, в его романе «Coningsby» («Конингсби», 1843) поразительно четко показывается сплоченность и взаимная поддержка евреев во всех частях света.
86. Отто Вейнингер: «Пол и характер».
87. Доктор Георг Хайм, баварский крестьянский руководитель, – это член наблюдательного совета управляемого евреями «Дойче Банка»; также его сын и зять участвуют в руководстве еврейских предприятий. В 1901 году он констатировал в Баварской палате, что «между евреем и христианином существует большая пропасть», и говорил о «подлеце с кривым носом», который на заднем плане с удовольствием потирает руки, так как ему вновь удалось стравить христианские конфессии между собой. К исповеди, и вообще в церковь он ходит регулярно. В качестве досуга он предпочитает играть в карты с евреями. Во всем прочем, однако, он здоров.
88. Франц Ксавер Мюллер, урожденный мюнхенец, еще жив, но совсем удалился от мира, не поддавшись при этом распаду вместе с ним. Хоть его стихи очень просты, они, тем не менее, содержат очень много житейской мудрости. Также его младший брат Адольф – это удивительный талант. Лирик в полном понимании этого слова. Только у него тоже есть предрасположение к уединенности. Он носит с мыслью стать монахом.
89. Лютер: «О евреях и их лжи».
90. В его «знаменитом» произведении «Закат Европы».
91. Мориц Гольдштайн в «Kunstwart» (буквально – «Страж искусства»), март 1912.

92. Анаклет II был из еврейского рода Пьерлеони (по словам Хаузера сомнительно Григоровиус). Дом Борджиа, к которому принадлежал пользующийся дурной славой Александр VI, приписывается испанским маранам, т.е. евреям, для виду принявшим христианство. Также папы Иннокентий II, Каликст III, Климент VIII и даже Пий XI должны быть еврейского происхождения.
93. В «Spaccio della bestia trionfante» в 1584.
94. Артур Требич (Требич-Линкольн), еврейский писатель, который пишет против иудаизма, а скорее воображает, что делает это. Его каждое второе слово: «Мы арийцы».
95. Доклад: «Беспристрастный о еврейском вопросе», 1894.
96. Прощальная проповедь в Гамбурге, март 1894.
97. «Протестантство в конце XIX столетия в словах и иллюстрациях», издана пастором К. Верксагеном, том 1, страница 552.
98. «Parerga et Paralipomena» II. параграф 181.
99. «Лютер и евреи», 1921.
100. «История немецкой философии от Лютера до Канта».
101. Наум Голдман (Нахум Гольдман), который является также автором невероятно дерзкого высказывания, что евреи «больше не предоставляют ни одному государству право рассматривать вопрос об обращении с его еврейским населением как внутреннее дело». О, Наум! Ты обращаешься с нами не слабо.
102. «Parerga et Paralipomena» II. параграф 174, сноски
103. По словам француза в «Мине фон Барнхельм» Лессинга.
104. Он знает это из моего «На хорошем немецком», 1919.
105. В стихотворении «Диспутация».
106. Исаия 60, 61. Псалом 2, 7 – 9.
107. Теодор Фрич, издатель газеты «Хаммер» («Молот») в Лейпциге, наш неутомимый боец на передовой. Его примерно пятидесятилетние заслуги перед германским духом невозможно переоценить.
108. Барух Спиноза, самый выдающийся философ среди евреев (1632-1677).
109. Хаузер: «История иудаизма», стр. 321.
110. Знаменитый подкидыш в середине прошлого столетия. Разумеется, автором самого известного романа о нем «Каспар Хаузер или Леность сердца» (1909) был, таки да, Якоб Вассерман.
111. Пропущено в оригинале (издательство).
112. Лютер умер в 1546 году. Его два антисемитских труда «О евреях и их лжи» и «Vom Schem Hamphoras» появились в 1542; его филосемитский труд происходит из 1523 года. Сравните отличное маленькое произведение «Лютер и евреи» доктора Альфреда Фальба.

113. В 1922 году Чичерин официально был принят архиепископом Генуи.
114. Иоанн Златоуст (347-407): «Кто были патриархи евреев, если не спекулянты, и торговцы и полны всякого нечестия?»
115. Ульрих фон Гуттен, франконский имперский рыцарь, (1488-1523).
116. Курфюрст Альбрехт, архиепископ Майнца и Магдебурга, епископ Хальберштадта, кардинал. Выступал за Рейхлина против кёльнских «темных людей» т.е., антисемитов. Наживался на продаже индульгенций. Его позиция, с ее равнодушием, не оказала реформации ни малейшего содействия.
117. Примерно в 1510 году Пфефферкорн донес кёльнским доминиканцам на своих единоверцев из-за враждебности к христианству еврейских религиозных писаний, требуя сжечь их. Он исключил только Ветхий Завет и Талмуд. Принужденный позже к опровержению своих обвинений, он затем снова взялся за старое, после чего он был сожжен на костре после страшных мучений. Месть Иудеи.
118. Иоганн Рейхлин (Ройхлин), знаменитый гуманист, родился в 1455 году в Пфорцхейме, учился во Фрайбурге, Париже, Базеле, Орлеане и Пуатье, был, среди прочего, профессором в Ингольштадте и Тюбингене. Там он и умер в 1522 году. С помощью еврейского тайного учения Каббалы он надеялся прийти к познанию Бога! Занятие ею по его собственному признанию приносило ему наивысшее наслаждение. Крещеный еврей Николаус Элленбоген, который носился с прекрасной мыслью создать монастырскую школу и превратить ее в духовный центр всех остальных монастырей, постоянно переписывался с ним. Ни у кого, решил Рейхлин, не было права, чтобы из-за еврейских религиозных трудов выступать против евреев. «Как хотим мы судить о душах других людей!» Ну, естественно! Как мы можем этого хотеть?
119. В книге «На заре реформации» у Юлиуса фон Пфлугк-Хартунга. Толщина книги примерно 700 страниц. О еврействе в этой книге нет ничего, о чем стоило бы упомянуть. Намерение автора ясно и вызывает огорчение. Достаточно одного лишь предложения: «Как теперь Пфефферкорн с императорским мандатом в кармане начал свой поход ради конфискации (враждебных к христианству религиозных трудов евреев), как и почему этот мандат был отозван – здесь не нужно разъяснять в подробностях». (Страница 300 и на следующих страницах.) Я верю, это как раз то, что не нужно разъяснять!
120. Эразм Роттердамский, пожалуй, самый знаменитый гуманист. Родившись в 1467 вне брака в Роттердаме, он «раньше срока» попадает в школу в Девентере, потом в монастырскую школу в Хертогенбосх. Получив сан священника, он отправился в Кёльн и Париж. Частое пребывание в Англии, где масонский орден уже сильно выступал на передний план. «Умный ученик Луция», т.е. заурядного болтуна. На долгое время испытание Германии. «Никакой мужской деятельной силы, никакого тепла в этой натуре с тонкими струнами!», насмехается над ним Й. Вилле в «На заре реформации» (страница 323) и сам не знает, как. Умер в 1536 в Базеле. Мир его праху!
121. Людвиг Тома, баварский поэт и писатель, долгое время основной сотрудник основанного евреем Альбертом Лангеном сатирического журнала «Simplizissimus».
122. О пуританстве (в середине шестнадцатого века) уже говорилось. По словам Хаузера, спонсором республики Кромвеля был португальский еврей Антонио Фернандо

Карважал. Англия уже тогда была близка к тому, что в ней введут иудейский закон вместе с субботой. Не забывайте, что в Англии уже в конце пятнадцатого века масоны были политически очень активны; и снова не забывайте, что гуманист Эразм Роттердамский довольно долго бывал и оставался в Англии. Его современник Докельзон (Йозефзон, Мендельсон, Натансон и т.д.) тоже был родом из Голландии, как и он, был внебрачным ребенком, «король Сиона», т.е. печально известный глава анабаптистов в Мюнстере. Это движение под его руководством прямо-таки трансформировалось в большевизм. Убийства и избиения до смерти честных людей, посреди голода осажденного города. Чревоугодие руководителей, многоженство. Серьезные исследователи Библии принадлежат уже к нашему времени. Снабженные богатыми денежными средствами, они тоже, двигаясь по еврейскому фарватеру, приближаются к Советам. (В настоящее время Серьезные исследователи Библии называются Свидетелями Иеговы – прим. перев.)

123. Ульрих Цвингли, швейцарский реформатор (1484-1531).

124. Игнатий Лойола, учредитель Ордена иезуитов, испанский дворянин, первоначально офицер, причем большой смелости, т.е. совсем не еврей. Поланко вместе с ним обустроил орден, к которому позже присоединилось много евреев. Среди видных иезуитских теологов морали я назову Бузенбаума.

125. Оригинальный тон «Archives israelites» (1861, XXV)

126. Дорис Виттнер в «Восточно-еврейском облике» («Национальцайтунг» («Национальная газета»), 1920, номер 252).

127. Название очень жирного мучного изделия, буквально – «Пуканье монахини».

128. Талмуд – «Шулхан Арух».

129. Талмуд: «Бава Меция», 84 а.

130. «Ебамот», 60 в.

131. По очереди в трактате «Хуллин», 91, 2; «Шене Лух. хабб.», 124, 2; трактат «Санх.», 58, 2; трактат «Ебам.», 63.

132. В Центральном союзе немецких граждан иудейского вероисповедания, «Остдойче Рундшау» («Восточногерманское обозрение») от 15 мая 1919 года.

133. Весьма упитанный вождь мюнхенского социалистического большинства.

134. Шене Лух, хабб., 250, 2.

135. Шарль Фурье, (1772-1837).

136. Гейне «Признания».

137. Газета «Альгеймайне Цайтунг дес Юдентумс» («Всеобщая еврейская газета»), 1907, номер 45.

138. Еврейская писательница-романистка исключительной плодовитости и поверхностности.

139. Псалом 28, 1.

140. Ялк.Руб. 58, 2.

141. Зирах 36, 2-12. «Шулхан Арух» (молитва «Шегха» на пасхальный вечер); «Орах Гаим» 480, «Хага».

142. Письмо Херцу Хомбергу. Мозес (Моисей) Мендельсон из Дессау, сын еврейского учителя (1729-1786). Он был сначала воспитателем детей в доме богатого еврейского фабриканта шелка в Берлине, вскоре стал его бухгалтером, а позже и компаньоном.

143. Письмо Якоби. Когда Гёте умер (1832) еврей Барух, под псевдонимом Бёрне, ликовал, мол, началось «освобождение» Германии.

144. Доктор Артур Руппин: «Евреи современности» стр. 203 и на следующих страницах.

145. Лютер: «О евреях и их лжи».

146. Там же.

147. Достоевский, самый большой поэт России, который «с истинной любовью спасителя любил всех жалких и обремененных, всех нищих духом, всех, ставших виновными в жизни», как говорит Хаузер, в его «Дневнике писателя», опубликованном им в 1876-1880 годах.

148. Вильгельм Буш: «И жид с кривой пяткой, кривым носом и кривыми штанами, пробирается к высокой бирже, глубоко испорченный и бездушный».

149. Пропущено в оригинале (прим. издательства).

---

**Библиотека Велесова Слобода, 2013 г.**